

Идрис Шах

Командующее Я

ЭННЕАГОН ПРЕСС

Идрис Шах

Командующее Я

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Шах И.

Командующее Я / И. Шах — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-084-9

Основным препятствием в развитии человека и реализации им собственной уникальной судьбы автор считает Командующее Я. Книга Идриса Шаха раскрывает природу этого явления и неявно показывает пути преодоления его влияний. Произведение стало на Западе классическим и теперь впервые публикуется в России. Шах обращается со своим посланием не столько к нашему уму и чувствам, неизбежно искажающим тонкую природу передаваемых методов, сколько к глубочайшему сознанию. Искусно пользуясь нелинейными аналогиями, сказками и историями, автор сообщает читателю некую особую энергию мысли, которая поразительным образом позволяет нам самим, вопреки себе, начать по-другому понимать и действовать в этом обычном, но непростом мире.

ISBN 978-5-91051-084-9

© Шах И.

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Суфийские мысль, опыт и учение	6
Культурные и психологические проблемы командующего Я	10
Введение	12
Яма...	12
Цель учебы и исследований	14
Раздел I	17
Изжитые техники	17
Вербовка и образование	18
Понимание себя	19
Критицизм и обучение	21
Зачем мне меняться прямо сейчас?	22
Наука и философия	24
Развитие человека	25
Качество поиска	26
Мир	27
Кратчайший путь	29
Осел и верблюды	30
Который час	31
Учитель	32
Нож и вилка	33
Мистические формулы	34
Повторяемые эксперименты	35
Какими вещи кажутся	37
Неправильно понятый	38
Упрощая суфийские учения	39
Опасности имитации	40
Мышь и слон	41
Невыносимая мешанина?	42
Внешние атрибуты и содержимое суфийских историй	43
Чрезвычайно важно	44
На что это похоже в действительности	45
Бегство	46
Внутреннее пространство	47
Раздел II	48
Три важные фазы организации и учебы людей	48
«Осел, который привез вас сюда...»	49
Фактор времени	51
Заботиться о конце	53
Лягушки-путешественницы	54
Жара и жажда	55
Разговор птиц	56
Основное и незнакомое человеческое общество	57
Воображение	59
Птицы	60
Знание или эксперимент?	61
Пресная вода ⁷	62

Прямое и не прямое обучение	63
Начать учиться	65
Совет и поиск	66
Высокая цена учения	68
Кому вы подражаете?	70
Глубокое влияет на поверхностное	71
Люди на «других уровнях»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Идрис Шах

Командующее Я. Практическая философия в суфийской традиции

Суфийские мысль, опыт и учение

О суфизме и суфиях были написаны тысячи книг и монографий, рассматривающих предмет с какой угодно точки зрения, но только не с суфийской. Это привело к хаосу в литературе и замешательству читателей. Пытаясь оценить или рассмотреть феномен суфиев через призму предубеждений, обусловленных культурой, в этой ловушке на протяжении столетий оказывались наиболее известные ученые своего времени.

Возможно, все это не так глупо, как предстает сегодня: в конце концов, исследователи, включая академистов и духовных личностей, только относительно недавно начали понимать, что субъективизм и неисследование предположения традиционно оказывает сильное влияние на их подход к проблеме. Хотя маятник и качнулся слегка, все еще нет недостатка в людях – специалистах и иных, – продолжающих рассматривать любые явления, в том числе и суфиев, как им заблагорассудится, но только не объективно.

Проблема в основном состоит в том, что большая часть комментаторов приучена считать духовные школы «системами», более или менее похожими друг на друга, построенными на догме и ритуале, в особенности на повторении и применении постоянного, стандартного давления на своих последователей.

Суфийский метод, конечно, за исключением его выродившихся форм, которые нельзя даже отнести к суфийским, совершенно отличен от вышеописанного подхода.

Люди выбирают неправильную исходную позицию и затем допускают следующую ошибку, подпадая под общее заблуждение, что все духовные сообщества так или иначе в сильнейшей степени зависят от эмоционального фактора. И в самом деле, даже авторы, наделенные ясностью мышления, путают духовность с эмоционализмом. В аутентичном суфийском учении или учебе подобная путаница отсутствует.

Неправильные представления, из которых те два, что упомянуты выше, – типичные, порождают в уме изучающего соответствующий строй мыслей, на который он будет опираться в попытках прийти к пониманию, или изучению, суфизма, тогда как результат заранее предсказуем и совершенно бесполезен. По этой причине в суфийской литературе подчеркнуто отвергаются ультраформализм, ментальный фетишизм и свехупрошенные схемы, препятствующие пониманию.

Смесь примитивной эмоциональности и случайных ассоциаций, которые запутывают потенциальных сторонних наблюдателей, суфии относят к действию *Командующего Я*.

Только с 50-х годов нашего столетия¹, с открытием далеко идущих последствий обуславливания, промывания мозгов и психотехнологического манипулирования, субъективная природа фактически любых подходов к знанию стала восприниматься на должном уровне, который пытались установить в течение столетий суфии.

Суфии всегда наставляли: «Исследуйте ваши предположения, избегайте механистичности, отличайте веру от навязчивой идеи».

Суфийский учитель – это, в первую очередь, тот, кто прошел все стадии Пути, по которому будет вести своих учеников. Внешние наблюдатели не в состоянии толковать суфизм –

¹ XX века. – Прим. ред.

им видны лишь его поверхностные проявления. У них нет ни достаточного опыта, ни способности видеть различия между реальными и вырожденными формами. «Тот, кто пробует, — знает» — гласит суфийская поговорка. В равной степени, тот, кто не пробует, — не знает.

Вполне естественно, что обоснованность этой формулировки энергично оспаривается внешними наблюдателями. Но если неквалифицированный человек, без необходимого опыта, решает «стать специалистом» в какой-либо сфере, то неизбежно, что специалист, человек, обладающий требуемым опытом, будет — и в действительности должен — отстаивать первичность соответствующего знания.

Следует помнить, что вряд ли можно в чем-то обвинить приверженных к внешним проявлениям исследователей духовного или специалистов из области «пера и языка». Воспитанные в обществе, где считается, что каждый может исследовать любой предмет по своему желанию, они стали жертвами предположений, присущих господствующей культуре. В конце концов, этот подход адекватен для широкого круга дисциплин. Они просто применили принцип, работающий в одной сфере, к той сфере, где он не работает.

Суфии, в отличие от людей, ориентированных на внешнюю сторону жизни, механистически работать не могут и не работают. Проекция послания и помощь, предназначенные учащемуся, всегда должны варьироваться в соответствии с нуждами времени, с учетом местной культуры, а также в соответствии с природой и потенциальными возможностями ученика.

В свете этого заявления мы можем увидеть, что суфийские организации, обучение и учеба фундаментальным образом отличаются от всех остальных «систем».

Суфий, короче говоря, нацелен на развитие, а не на выработку условных рефлексов. Он учит, а не тренирует. Он вмешивается, чтобы предоставить правильному человеку правильные стимулы в правильное время. Тем, кто не может постичь, насколько целенаправленна подобная деятельность, она представляется хаотической точно так же, как жизнь в открытом обществе кажется непереносимо беспорядочной человеку, который недавно вырвался из-под власти тоталитарного режима, — довольно частое явление в наши дни.

Всем людям присуща склонность к поиску уверенности и регулярности. Она проявляется в приверженности к сверхупрощенным системам и поясняет, почему столь многие притягиваются к организациям, предлагающим авторитет и определенность. В порядке и дисциплине нет ничего неправильного: на самом деле они существенны для всех человеческих объединений. Но, когда подобная склонность задействована в тех областях, где она не может быть применима, процесс замедляется или приостанавливается. В результате даже у наиболее подверженных страсти организовывать возникает тревожное чувство, что «должно быть что-то еще...».

Как бы то ни было, сама по себе жесткая дисциплина не приводит в качестве реакции к необходимой здоровой тяге к истине. Примечательно, что именно принудительные, жестко регламентированные или сугубо интеллектуальные сообщества извергают из себя причудливые культы и массовые заблуждения, обеспечивающие определенные эмоции как спросом, так и предложением.

Существует огромное количество суфийских учений, и значительная их часть представлена в письменной форме. Потенциальные ученики, занимающиеся поисками источников суфизма, прорабатывают эти учения и удивляются, почему материалы столь противоречивы. Ответ прост: эти материалы по большей части приурочены к тому или иному времени или культурному периоду. Большинство было предписано особым аудиториям в определенное время и при определенных обстоятельствах. Выбор материалов, соответствующих текущему моменту, — задача для специалиста. Стремление придать всему этому наследию смысл эквивалентно попыткам разработать собственный метод лечения болезней при отсутствии специальных медицинских знаний — просто взяв за основу те рецепты, которые в течение многих лет прописывались разным людям. Суфийское учение «прописывается» на индивидуальной основе.

Так, выдержки из суфийской классики, истории о мастерах, письма и лекции и т. д., предлагаемые сегодня группам и отдельным людям, должны быть соответствующим образом и сознательно отобраны и применены, и сделать это должен тот, кто настроен на определенные реалии.

Такой подход особенно раздражает пристрастного академического ученого, обуреваемого жадой задействовать каждый найденный обрывок информации без оценки возможного применения находки в наши дни. На самом деле подобный человек работает отнюдь не в той области, в которой действует суфий, но его позиция тем не менее влияет даже на обычных читателей.

В затруднении в равной степени находится и ординарный мыслитель духовной ориентации. Он не желает принять того факта, что суфийская деятельность часто протекает в формах, едва ли имеющих что-то общее с духовной сферой с точки зрения формалиста. Тот факт, что суфию приходится записывать и проецировать свои учения неким особым образом, который может работать, а не только напоминать другим о духовности, – вызывает в этом обусловленном, набожном человеке, если он вообще в состоянии заметить подобную форму деятельности, чувство глубокого дискомфорта.

Суфии продолжают настаивать на том, что приверженность традиционным формам вообще не является духовной деятельностью. Только теперь суфии получили возможность опереться на догадки и эксперименты социологов и психологов, с тем, чтобы в современных терминах, в приемлемом виде установить следующий факт: очень многие «духовные люди» вовсе не духовны, а всего лишь религиозны – они обусловлены испытывать определенные эмоции. Такие люди, если рассматривать их в антропологическом контексте, не многим отличаются от членов племенных сообществ. Эти факты были записаны и доказаны суфиями столетия назад, и теперь современные мыслители считают указанную информацию потрясающим открытием нашего времени.

Прибегая к суфийским терминам (также как и к терминологии передовых ученых-социологов), таких предположительно набожных людей можно назвать последователями культа, но никак не людьми духа в понимании суфиев.

Фигуры, облеченные авторитетом, каноническая литература, литургии, упражнения, специальная одежда и иные стандартизованные элементы в практике культовых систем сегодня воспринимаются как компоненты комплексов тренинга, отличающиеся друг от друга только номинально, – используемыми идеями и символами.

Тем не менее все эти факторы продолжают создавать препятствия, запутывают людей, зашоривая умы.

Заблуждающимися «суфиями» во все времена становились люди, заимствующие учебные ситуации, притчи и т. п. и распространяющие их как «непреходящие» истины, «упражнения» и т. п. Подобному виду развития (гипертрофии) нет места в сфере подлинной суфийской деятельности. Именно такой подход ответственен за существование бесконечного нагромождения культов и религиозных общин, которые повсеместно признаны аутентичными и авторитетными. В действительности в подобных группах представлен процесс окаменения, и он полностью противоположен тому, чего можно ожидать от духовной школы. Вместо того чтобы развивать людей, названные образования делают их своими пленниками, на что суфии не перестают указывать.

В большинстве культур этот процесс зашел так далеко, что имитации вытеснили оригинал. Исследуя те или иные существующие сегодня культы (а некоторые из них охватывают миллионы людей и обладают огромным влиянием), мы вряд ли можем упрекнуть тех, кто верит, что эта вырожденная форма и есть религия.

Недавно я объяснял это положение известному духовному лидеру и услышал в ответ: «Но моя религия ДОЛЖНА быть истинной, иначе ей не следовало бы так много людей».

Понятно, что этот человек не слышал о законе Грехэма: «Грязные деньги вытесняют чистые».

Я ответил ему: «У такой-то религии в два с лишним раза больше приверженцев, чем у вашей. По вашей же логике, эта религия должна быть еще более истинной, что доказывается ее успехом. Почему бы вам не присоединиться к ней?»

Тут он вышел из себя и заорал на меня...

У суфиев очевидным примером описанного мной выше процесса является развитие «Орден» (turuq). Ни об одном из основных «путей», к которым принадлежат современные, так называемые суфии, нельзя сказать, что данный путь основан человеком, чье имя, как основателя, он носит. Каждый вариант пути возник только после смерти своего предполагаемого основателя, сформировавшись на основе некоторых его специфических учений, применявшихся для местных целей, и вскоре превратился в культ. «Ордена» – явление преходящее и ограниченное во времени. Ни один из них не был основан тем, кого принято считать его учредителем. После смерти учителя ученики героически пытаются сохранить полученное учение, но, как правило, в ошибочной форме. Результаты нам известны.

Следуйте подобным учениям, и вы, возможно, получите добротную копию человека XIII века... и только.

Все эти искажения, остающиеся в суфийских и других учениях – и более серьезные и страшные, – возникают из-за присутствия и деятельности Командующего Я.

Суфии не собираются разрушать или подавлять Командующее Я. Однако они ставят вопрос жестко: кто кем командует: оно – вами, или вы – им?

Культурные и психологические проблемы командующего Я

Культурная среда способствует формированию ментальности, поощряющей власть Командующего Я, и на Западе это проявлено в большей степени, чем на Востоке. Процедуры, разработанные для людей Востока, дадут, скорее, отрицательный эффект, если их применить к жителям Запада.

То есть восточная традиция, согласно которой человек учится до тех пор, пока учитель не даст ему разрешение обучать (древняя традиция послушничества, сохранившаяся на Западе в обычном академическом обучении и присвоении степеней), во многих неакадемических кругах Запада не признается.

Причину не надо долго искать. В западной культуре ударение делается на скорости, на поспешном получении чего-то и скорейшей передаче приобретения дальше (будь то производственные продукты или идеи, ценность которых была раздута) и т. д. В духовной, психологической и других сферах подобное явление приняло следующую форму: люди пытаются обучать, разъяснять, лечить, вступать в контакт еще до того, как будут соответственно подготовлены для этой роли.

Имеющееся заблуждение усугубляет тот факт, что на Западе любой человек может заявить себя в качестве эксперта, учителя, врача или советника.

Командующее Я весьма изобретательно и скрывает от индивида, что он или она пытается начать бегать, не научившись ходить. Когда другие люди начинают одобрять чьи-либо действия, это ошибочно истолковывается адресатом похвалы как законное основание для его притязаний. В действительности упомянутый факт говорит лишь о том, что подобный человек зависит от мнения окружающих в силу своей природы или воспитания.

На самом деле этиология многих культов и деятельности большинства людей, чья известность намного превосходит уровень их действительных способностей, именно такова.

За это, разумеется, кто-то расплачивается. Иногда платят многие люди. Причина в том, что описанной выше ситуации присуща крайняя нестабильность. В человеке нарастает напряжение, что приводит к страданию, а иногда и к тяжелым психическим срывам. Стресс наступает как следствие борьбы между тщеславием (как бы хорошо оно ни скрывалось) и внутренним знанием того, что человек сам себя обманывает, поскольку пытается бегать, не умея ходить.

Это состояние нелегко исправить. Командующее Я борется за свое выживание, изо всех сил пытаясь сохранить статус кво и убеждая страдающего, что подобного рода симптомы являются неотъемлемыми характеристиками личности. Страдающий (он или она) постоянно будет воображать, что не способен вернуться к нормальному состоянию, стать более умеренным, скромным, менее самоуверенным, поскольку ему кажется, что это означает обеднение его личности.

Командующее Я можно представить как некий вид паразита, который поначалу дополняет личность, затем захватывает определенные ее части и выдает себя за саму личность.

Часто результатом этого процесса являются неудачи в коммуникации. Описывая данный синдром, суфийские учителя нередко слышат обвинения в том, что они принижают человеческую личность. Они якобы укрепляют собственный авторитет, говоря человеку, что тот еще не готов, и пытаясь удержать его на месте. Вряд ли подобную критику можно считать правомерной, ведь она не подтверждена фактами. Если же таковые имеются, то предполагаемый учитель никак не может быть суфием.

Как же решить эту проблему? Решение предложено временем и служением, а не желанием занять почетное место на тотемном столбе. По этой причине суфийские учителя отвлекают человеческое тщеславие от духовной сферы, поощряя своих учеников направлять деятельность Командующего Я в русло достойных мирских амбиций и одновременно продолжать учебу на суфийском Пути в духе скромности, без страсти к самоутверждению.

Введение

Яма...

Одна девушка, с детства огражденная от разнообразных ситуаций, которых так много в обычной жизни, как-то очутилась в блистающем фойе лондонского театра.

Она никогда в своей жизни не бывала в театре и испытала полную растерянность при встрече с доселе невиданным. Девушка выросла в экзальтированной религиозной среде, где царили эмоции. Этот мир зиждился на двух столпах: блаженстве рая и ужасах адской бездны.

Богато украшенное фойе, где ей пришлось ждать, пока ее сопровождающий заберет билеты, являло ей новый, незнакомый мир. Все люди здесь казались ей какими-то иными существами – они были разодеты в изысканные, потрясающе разнообразные по стилю наряды всех цветов и оттенков и очень оживлены, – ничего подобного и близко не было в ее жизни.

Ошеломленная новыми впечатлениями, она внезапно увидела табличку, указывающую на оркестровую яму. На указателе черными буквами было выведено одно простое слово из театрального лексикона – The Pit² – Яма.

Как тут было не издать крик ужаса и не броситься прочь из театра – и как можно быстрее найти успокоение и прощение в горячей молитве? Именно так и поступила наша героиня.

Думаете, сказка? Об этом случае поведала лондонская Observer, поместив среди новостей театральной жизни заметку одного корреспондента³.

Случаи такого рода (если предположить, что они действительно происходили в реальной жизни) указывают как на обусловленное поведение, так и на живучесть явления, которое мы легко способны распознать как реакции примитивного образца. Если эмоционально-заряженные идеи громоздить на такую примитивную личность, прежде чем она достигнет зрелости, то подобное воздействие произведет в ней Командующее Я, столь сильно влияющее на обыденное мышление каждого человека. Нет никакой разницы между реакциями этой девушки, порожденными новым опытом, и поведением дикаря, который в течение всей жизни был подвержен воздействию своего окружения, – как и реакциями любого цивилизованного мужчины или женщины. Даже если эта история вымышлена, простой факт, что она может быть предложена в качестве произошедшей на самом деле, показывает, что такие примитивные образцы, или паттерны, поведения способны повторяться с большой степенью вероятности. Чрезвычайно интересно и то, что история эта была напечатана с целью рассмешить читателя. Невысказанное намерение, побудившее журналиста предложить данную историю в качестве юмористической байки (каковой, конечно, она и является), состоит в том, что мы, возможно (с немалым чувством облегчения), отделяем себя от «нее» – героини нашего рассказа.

Итак, выделять подобный тип легко иллюстрируемого примитивного поведения и воображать, что поскольку мы видим абсурдную сторону происходящего, то сами так не действуем, абсурдно само по себе.

Эта женщина получила воспитание, которое обусловило ее реагировать на определенные стимулы состоянием ужаса и эмоционального взрыва. Сегодня как в наиболее отсталых, так и в самых передовых сообществах миллионы людей, многие из которых занимают высокое положение и облечены властью, реагируют точно так же, если какие-либо обстоятельства переключат их внутренний механизм в режим «ужаса».

² The Pit – Яма. Здесь: оркестровая яма. – Прим. перев.

³ The Observer, London, 25th August, 1968, p. 30.

Несомненно, полем деятельности антрополога должно быть то сообщество, где он живет, хотя учиться можно, наблюдая и изучая другие сообщества, где поведенческие структуры для него, как стороннего наблюдателя, более очевидны.

Если современная антропология не займется исследованием собственного сообщества, то в будущем подобное упущение будет расценено как одна из аномалий нынешней культуры. Конечно, сейчас никто не занимается указанной проблемой в сколько-нибудь заметных масштабах. При этом мы говорим: «Подумать только, китайцы открыли порох и магнитный компас и не стали применять эти инструменты».

Последующие поколения, какими бы они ни были, вероятно, смогут сказать о нас: «Удивительное дело, у них были все необходимые инструменты для исследований и подбора иллюстраций, но они применяли их только к людям других культур».

Цель учебы и исследований

Цель суфийской книги или любой суфийской деятельности – способствовать суфийскому развитию. Можно подумать, что это очевидно, но определенно, сотням людей, ежегодно обращающимся за информацией и разъяснениями все не так уж ясно, что показывает: они пытаются действовать в направлении, не имеющем никакого отношения к целям суфиев.

Возьмем простой пример. Мы публикуем какую-то историю или несколько историй, может быть, в некотором контексте, что в совокупности создает «обучающий пакет». Но вот материал издан, и тут же появляется множество желающих расшифровать его или следовать всем видам возникающих ассоциаций. Естественно, такого рода попытки сводят воздействие всего пакета к нулю.

В некоторых случаях, возможно даже во всех, причиной возникновения данной тенденции является некая усвоенная схема. В основе этого образца мышления может быть схоластицизм и склонность к решению головоломок или к поиску эмоциональных удовлетворений или ассоциаций.

Проблема, конечно, осложняется отсутствием осознания, что представленный и используемый именно таким образом материал направлен на некую цель и является единым целым. Подобным читателям необходимо задуматься над рассказом о маленьком мальчике, расчленившем муху. В итоге, глядя на кучку крылышек, ножек и т. п., он с удивлением спросил, куда же подевалось насекомое.

Естественное человеческое желание исследовать, оценивать, находить смысл имеющихся данных и т. д. еще больше осложняет дело. В этом нет ничего плохого, при условии, что вы обладаете необходимой компетентностью. Применительно к нашей сфере это можно сформулировать, перефразируя известное изречение: «Тот, кто не может, пытается; тому, кто может, пытаться нет нужды». К счастью, для того, кто действительно хочет понять подобную дилемму, ее легко проиллюстрировать. Например, если вам предложили земляничный джем, у вас есть несколько возможностей. Вы можете его попробовать, или попытаться его исследовать, или проследить этимологию названий и джема, и его составляющих. Суфии традиционно утверждают, что они «пробуют», а не исследуют или проверяют. В любом случае суфизму учатся не путем исследований или изобретения колеса.

Многие люди, утверждающие, будто интересуются суфизмом, не заинтересованы тем, что он может предложить, и убедительное доказательство этого содержится в простом наблюдении: люди не перестают требовать информацию, не имеющую никакого отношения к делу, независимо от того, как часто вы объясняете вышеприведенные факты и сколько раз они подтверждались суфиями прошлого. И, конечно, горка из мушиных ножек растет.

К счастью, тому есть очень простое объяснение. Для начала вспомним, что люди склонны продолжать свои действия даже после того, как им скажут, что их деятельность абсурдна или не нужна, и все только потому, что держаться взятого курса доставляет им большее удовольствие, чем принять правильный. Теперь применим это высказывание к нашей ситуации, в которой кому-то сообщают, что его или ее настойчивость по поводу определенного курса бессмысленна.

Существуют, конечно, «бесхитростные», или наивные, причины. Например, академические ученые подготовлены таким образом, а об этом зачастую свидетельствуют их бесполезные книги, что не способны действовать никаким другим способом. Это лишь означает, что с человеком, столь узкообусловленным тем или иным образом действий, вряд ли возможен какой-то контакт. Обычные ученые на протяжении столетий обличали суфиев в том, что те глумятся над академической наукой. Так проявляется ментальность, охарактеризованная в высказывании: «Обзови собаку дурным именем и повесь ее». Дело в том, что среди суфиев и были, и

есть видные ученые; и они знают, что суфийский опыт и схоластицизм — вещи совершенно разные и несовместимые.

Конечно, не только суфии сталкиваются с подобным подходом. И к инженеру могут обратиться люди, решившие использовать инженерную науку в качестве метафоры в хореографии, рекламе или где-то еще. В этом нет никакого вреда. Проблема возникает лишь если люди воображают, что инженерное дело действительно имеет отношение к балету.

Еще один аспект рассматриваемого вопроса — склонность к поиску панацеи. Не только к суфиям, но и к любым специалистам в какой угодно области регулярно обращаются люди, желающие мгновенного исцеления, улучшения социальной, психологической или экономической жизни или (и это чаще всего) жаждущие эмоциональных стимулов. Конечно, в последнем случае подобное требование обычно облекается внутренним ментальным цензором в приемлемую, по мнению вопрошающего, форму. Наиболее вероятно, что такое поведение обусловлено социальными факторами, хотя часто рассматривается как лицемерие или самообман.

Просто поразительно, куда только не проскальзывает обуславливание. Несколько дней назад я получил письмо от одного известного, но нуждающегося человека, который просил совета, как раздобыть кучу денег за очень короткое время. Зачем? «Не для себя, — объяснил он, — но с ними я смог бы сделать так много хорошего...»

К сожалению, все сказанное выше сводится к тому, что людям необходимо узнать о себе больше, прежде чем пускаться, как это часто случается, в малообдуманные предприятия. Естественно, чем больше человек нуждается в совете подобного рода, тем менее вероятно, что он его примет, — так было всегда; однако есть суфии, которые могут выполнять свою работу, несмотря на все возможные и притом довольно значительные трудности.

Не так давно я сказал что-то подобное одному человеку, который тут же стал настаивать: «Однако я должен познать себя, ведь к этому должны стремиться все разумные люди!» Я спросил его, как он понимает выражение «ПОЗНАТЬ СЕБЯ». Выяснилось, что он думал, будто это означает прорыв в более высокое состояние сознания, причем стартовать он собирался прямо оттуда, где пребывал в настоящий момент. Он и мысли не допускал, что сначала надо привести в порядок свое обычное, более низкое состояние сознания. Пытаться бегать, не умея ходить, в этом смысле не показалось ему абсурдным.

Напротив, он сразу перешел в наступление: «Если верно, что перед тем, как приступить к грандиозным вещам, надо уделить внимание малым, то почему на этом никто особенно не настаивал? Из истории мы знаем, что было множество мудрецов, которые просто говорили: ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ! Они не возводили преград из условий, которые пытаетесь навязать вы!»

Я отдал дань уважения его манере прямо высказывать свои мысли. Но прибавил, что он не исследовал ни свои предположения, ни источники сведений даже в той сфере, где был компетентен. Дело в том, что, во-первых, простые утверждения — только «заголовки». Во-вторых, многие «заголовки» бесконечно повторяются теми, кто, снискав себе репутацию авторитетных личностей, в большинстве своем просто цитирует лозунги, пусть даже совершенно искренне.

Руми говорил: «Только золотых дел мастер может оценить золото». Тем не менее множество людей, прочитавших произведения Руми, не придали никакого значения этому важному утверждению, которое так часто повторяют. Что же они почерпнули у Руми вместо этого? Например, танцы дервишей. Вы спросите, что здесь плохого? Только одно: исторические хроники сообщают, что сам Руми определял эту технику как специально приспособленную им для жителей Малой Азии XIII столетия. Причиной были определенные качества этих людей. Они вряд ли присущи, по крайней мере в той же степени, тем многим тысячам людей, которые в настоящее время практикуют танцы дервишей на Западе.

Не только на Западе есть люди, не оставляющие энергичных попыток превратиться в подобия средневековых жителей Востока. Но если бы только они остановились и взглянули на то, что делают, увиденное явно испортило бы им удовольствие.

Огромное число людей, во всеуслышанье заявляющих, что желают следовать путем суфиев, в действительности вообще этого не хотят. А если так, должны ли мы удивляться тому, что суфии неустанно говорят об этом из века в век?

Дело в том, что у многих людей имеются личные и общественные приоритеты. Их воплощения люди будут добиваться через те каналы и теми способами, какие сочтут подходящими. Однако, как правило, человек, придерживающийся Пути суфиев или любой другой реальной специализации, действует совершенно иначе.

Суфии присутствуют здесь не для удовлетворения чьих-то требований. Их миссия – поделиться тем, что у них есть. Эти два аспекта не всегда совпадают.

Раздел I

Изжитые техники

В.: *Имеет ли какую-нибудь ценность изучение учений и деятельности суфиев, а также других систем прошлого? Некоторые из них, что называется, «вымерли», иные кажутся принадлежащими минувшему веку и потому неприменимыми.*

О.: Смысл есть в изучении того, что действительно применимо к современным условиям. Естественно, это означает, что предписывать материалы или их части для изучения могут только те люди, которые понимают, что означают указанные документы, для кого предназначены и каким должно быть их действие. Это, в свою очередь, означает, что простая имитация бесполезна. Суфийская учеба состоит в предписании, а не в имитации или даже традиции. Между прочим, в суфийском смысле нет ничего, что может «вымирать». Медицинский рецепт, например, не «отмирает», он заменяется другим. Вообще говоря, все зафиксированное (например, на бумаге) принадлежит прошлому. В отличие от врачебных рецептов, «условия», для которых были прописаны суфийские упражнения прошлого, вероятнее всего, сегодня не повторяются. Мы не имеем дела с телесными болезнями.

Таким образом, мы возвращаемся к вопросу об учителе и его компетенции. Важность этого момента трудно переоценить, поскольку, будучи осведомленным в данной области, вы действительно можете разглядеть ложного или заблуждающегося учителя, просто отметив для себя, что тот, кто всего лишь побуждает других повторять суфийские упражнения, предписанные десятки, сотни или даже тысячи лет назад, вообще не суфийский учитель. Возможно, он традиционалист, последовать религии или адепт церемоний, но в таком случае он не сможет способствовать развитию суфийского восприятия ни в себе, ни в других. Традиция, цвет, движение и так далее, несомненно, привлекательны. Иногда они даже могут оказать терапевтический эффект. Но это не суфийская деятельность, а вырождение ее внешних сторон. С таким же успехом мы могли бы наполнить аптечный пузырек водой и любоваться этикеткой. Но какой в этом смысл, разве что психологический эффект плацебо, а ведь он может быть получен практически любым способом. Кроме того, духовного плацебо не существует.

Вербовка и образование

В.: *Писали ли вы когда-нибудь о важности суфийского знания в наши дни?*

О.: Вплоть до недавнего времени – очень мало. Причина заключается в том, что, если вы отождествляете с какой-либо позицией, найдется немало желающих покритиковать ее, и люди перестанут принимать вас всерьез. В результате пострадает ваше дело, если, конечно, вы не заручитесь поддержкой обусловленных сторонников, что в итоге приведет к созданию еще одной разновидности социальной группы. Таким образом, вы послужите укреплению племенной ментальности, но сведете на нет ценность знания. Поэтому, вместо того чтобы предлагать то, о чем вы говорите, я немало потрудился, делая определенные факты прежде всего известными и доступными пониманию. Эта деятельность принесла значительные дивиденды. Общий объем информации увеличился, и сведения, дотоле недоступные, перераспределились между людьми, минуя их личные предубеждения.

Я хочу, чтобы у людей была информация *до того*, как они решат призвать свои желания к поклонению или противостоянию какой-либо личности, традиции или системе. Именно этим вербовка отличается от образования.

Понимание себя

Люди жаждут понять себя. Часть суфийской подготовки предназначена для того, чтобы сделать это возможным, ибо явная глупость большинства из нас почти универсальна. С этой точки зрения имеет смысл обратить внимание на определенные подходы, так как в этой сфере вполне возможен, хотя и не неизбежен, вариант, что люди могут учиться на примере поведения других.

Важнее всего осознать, что мы должны изучать желания и потребности приходящих к суфиям людей. Желания не обязательно совпадают с потребностями, даже если предположить, что они являются топливом и стабилизаторами нынешнего состояния обращающегося.

Вот передо мной подборка писем от некоего человека, который выразил желание поработать с нами над фильмом о жизни Аль-Газали. У него есть опыт в режиссуре, и он полагает, что, помогая нам, сможет сделать вклад в нашу работу, а работая со специальными материалами, и сам может многому научиться.

В ответ мы проинформировали его, что, как бы теоретически ни был желателен такой проект, мы уже вовлечены в предприятия подобного рода. Еще важнее то, что мы не можем позволить себе работать над проектами такого рода с человеком, обладающим лишь внешними восприятиями. Иными словами, суфийские фильмы должны быть инструментальными, спланированными для достижения определенного результата. Подобный фильм под силу сделать только суфиям, которым совсем не обязательно выбрать в качестве режиссера именно этого соискателя. Выраженный интерес к указанному вопросу сам по себе квалификацией не является.

А вот переписка с одним дружески настроенным ученым. Он просит у нас помощи (и предлагает нам свою) в поиске и публикации сведений об одном суфийском ордене. На это предложение мы ответили, что суфии пользуются рассчитанными методами. Настоящее время, место и люди не позволяют нам заняться этой специфической деятельностью.

Третий ворох предложений пришел от некой леди, которая написала книгу о нашей работе и просит разрешения цитировать опубликованные нами материалы, поскольку хотела бы высветить некоторые важные моменты – «для того, чтобы нас могли лучше узнать и понять». Мы написали ей, что есть два типа материалов о суфизме, – те, что написаны с внешней точки зрения, и те, что созданы для последующей суфийской деятельности. Последние могут вообще не выглядеть суфийскими книгами, но они вышли из-под руки людей, достигших особого прозрения. Обозрения или пропагандистские книги вообще не являются суфийскими, поэтому мы не можем поддерживать их. Нас даже можно назвать полными невеждами в отношении подобной литературы. Далее мы проинформировали эту корреспондентку, что включать наши материалы в ее книгу будет не только бесполезно для нашей работы, но и введет многих в заблуждение, создав у читателей представление, что данная книга санкционирована нами.

Наконец, вот письма от религиозного деятеля, который предполагает, что все виды духовности одинаковы, и пытается вразумить нас, чтобы мы смягчили нашу «жесткую позицию» по отношению к различным убеждениям и видам деятельности в сфере религии.

Все перечисленные подходы имеют нечто общее, не воспринимаемое самими авторами, хотя, возможно, сторонний наблюдатель способен разглядеть то, что их объединяет.

Первая очевидная характеристика: каждый из упомянутых людей предполагает, что делает нечто полезное, не зная в точности, так это или нет. Во-вторых, они исходят из предположения, что мы работаем так же случайно и на столь же поверхностном базисе, который единственно им известен: то есть фактически они заведомо отказывают нам в видении перспективы; в-третьих, они предполагают, что какой-то отдельный аспект, объект и т. д. может

сыграть положительную роль в нашем деле; четвертое предположение – что мы работаем не по плану; пятое – что нет иного плана, в котором данный человек мог бы участвовать; шестое – что он может начать с середины. То есть они полагают, что способны усвоить идею, и то, что она будет ему полезна без какого-либо абсолютно необходимого обучения, которое только и может подготовить кого бы то ни было к участию в программах подобного рода.

Короче говоря, такому человеку надо было бы озаботиться следующими вопросами: «Могу ли я учиться? Что я могу делать, если вообще что-то могу?»

Все суфии вначале учат этому, но их указаниям тяжело следовать, так как прямое утверждение: «сначала вам нужно делать нечто иное» – очень часто воспринимается Командующим Я в качестве отказа или вызова, а не того, чем оно в действительности является, – конструктивным описанием нынешнего положения и потребностей данного человека, сделанным из самых лучших побуждений.

Именно это лежит в основе понятий Taubat (Таубат) – в данном случае – раскаяние, отказ от невежественных предположений и Khidmat (Хидмат) – служение, что в данном контексте означает: воздержание от неуместного – наилучшее служение самому себе так же, как и служение Истине.

Критицизм и обучение

В.: *В своих книгах и историях об учебных взаимодействиях с искателями суфийские учителя часто сетуют на проблемы в общении с людьми и постоянно критикуют собственных последователей и всех прочих. Если дела обстоят так плохо, есть ли надежда, что обучение вообще начнется?*

О.: Во-первых, то, что некоторые люди считают критицизмом, также можно рассматривать в качестве описания ситуации; во-вторых, описание людей и их поведения уже само по себе является неотъемлемой частью обучающего процесса. Когда вы становитесь свидетелем такого диалога, или слышите, или читаете о нем, вы фактически наблюдаете как разворачивается обучение, поэтому вопроса «когда оно начнется?» не существует. Эффект обучения частично проявляется в том, что человек начинает наблюдать подобные вещи. Если же он по-прежнему их не замечает, то это не значит, что обучение не действует, а означает, что вы не учитесь.

В.: *Таким образом, похоже, что тот, кто не видит подобных вещей, не может быть обучен?*

О.: Вовсе нет. Не увидеть чего-то одним способом, или в одной какой-то ситуации, или одним из множества способов, или во многих ситуациях – еще не показатель неспособности к обучению. В обучении настойчивость учителя идет рука об руку с настойчивостью ученика в учении. Самые разнообразные подходы, применяемые к людям, способны выявить различные их грани по отношению к обучению, с тем, чтобы они могли начать в конечном счете учиться. Возвращаясь к первому вопросу, можно сказать, что фактически ученика часто принуждают отказаться от некоторых подходов, и само по себе это уже может заставить человека прекратить играть в игры и побудить серьезно сосредоточиться на том, чему его обучают. Но если из-за споров или пререканий все перечисленные усилия не сработают, то он учиться не сможет. Вот почему философ-диалектик не способен научить чему-либо на суфийском Пути, так же как интеллектуальные или эмоциональные подходы учеников не могут принести иных результатов, кроме взаимно стимулирующих реакций, которым нет места в суфийской обучающей ситуации. Отсюда и возникает необходимость устранить их или подавить той разновидностью «критицизма», о которой вы упомянули.

Зачем мне меняться прямо сейчас?

Жил-был один купец. Однажды он приобрел пару башмаков. Он ходил в них до тех пор, пока почти совсем не износил. Но так как они были очень удобны, он поставил на них заплатки и продолжал носить, пока и починка не изорвалась в клочья. Поверх старых заплат были поставлены новые и, хотя скупцы и люди, не утруждавшие себя размышлениями о жизни, одобряли его экономность, башмаки стали неуклюжими и неприглядными и поднимали тучи пыли на дороге. Когда прохожие жаловались на пыль, купец всегда отвечал: «Если бы на дороге не было пыли, башмаки бы ее не поднимали, – идите к властям и жалуйтесь на дороги!»

Башмаки сильно шумели, топая по улице, но большинство людей привыкло к этому, другие были в меньшинстве, но и они в конце концов тоже притерпелись.

Итак, столько людей одобряли бережливость купца и столь многие смирились с неудобствами, что остальные мнения не принимались в расчет. И сам купец, и все остальные стали считать само собой разумеющимся, что его башмаки и должны быть такими, как есть. Это стало настолько обычным, что должно было случиться что-то совершенно из ряда вон выходящее, чтобы заставить всех взглянуть на вещи по-другому.

И, вполне естественно, однажды «что-то» и начало происходить.

Как-то раз, по случаю, наш герой очень дешево купил партию редкой стеклянной посуды, полагая, что сможет выгодно перепродать ее. Желая отметить эту удачную сделку, он решил пойти в турецкие бани и хорошенько попариться. Пока купец был в бане, ему пришла в голову мысль, а почему бы с прибыли от продажи посуды ему не купить новые башмаки. Но затем он прогнал эти фантазии, сказав себе: «Башмачки мои еще послужат».

Тем не менее идея эта как-то застряла у него в голове и неким образом, как мы увидим далее, повлияла на мысли купца, судьбу его башмаков и посуду, да и на многое другое. Сначала, уходя из бани, совершенно автоматически сунул ноги в пару очень дорогих сандалий и в них пошел домой. Произошло это потому, что он вышел не в ту дверь и оказался в другой прихожей, где на месте его ужасных башмаков стояла обувь главного городского судьи.

Выйдя из бани и не найдя своих роскошных сандалий, судья стал искать пропажу, но единственное, что он нашел, – это страшные башмаки купца, в которых ему и пришлось дошлепать до своего дома. Конечно, как и все в городе, он сразу узнал, кому принадлежат эти чудовища.

Быстрее, чем об этом можно рассказать, судья вызвал купца в суд и оштрафовал его на огромную сумму за воровство.

Дрожа от негодования, купец прибежал домой, подошел к тому окну, что выходило на реку, и выбросил свои башмаки в воду. «Теперь, – подумал он, – я избавлюсь от этого орудия злого рока и смогу избежать его злосчастного влияния». Но сила башмаков на этом не исчерпалась...

Вскоре какой-то рыбак, вытащив из воды свою сеть, увидел застрявшие в ней туфли. Из-за множества гвоздей, которые были вбиты в них в процессе бесконечных починки, башмаки купца отличались немалым весом и конечно же сильно повредили рыбацкую сеть.

Сразу узнав, чья это обувь, – как ее узнал бы кто угодно в том городе, – возмущенный рыбак пришел к дому купца и швырнул башмаки в окно. Они приземлились прямо на драгоценную посуду, разбив ее вдребезги.

Увидев, что произошло, купец чуть не взорвался от ярости. Он пошел в сад и стал рыть яму, чтобы навсегда похоронить свои коварные башмаки.

Когда соседи увидели его за столь необычным занятием, они тут же доложили городскому голове, что купец, по-видимому, ищет в своем саду клад, а по закону той страны все клады принадлежали государству. Убежденный, что здесь пахнет немалой добычей, городской голова

тут же одолжил денег под будущий барыш и купил сервиз тончайшего фарфора, на который давно положил глаз. Затем он вызвал к себе купца и велел ему сдать золото.

Купец объяснил, что всего лишь хотел избавиться от проклятых туфель. Тогда городской голова приказал перелопатить весь сад и, ничего не найдя, присудил купцу уплатить компенсацию за доставленное беспокойство, в какую сумму входила стоимость фарфора, расход на произведенные в саду работы плюс небольшая плата за время, потерянное властями.

После этого купец унес башмаки далеко за город и выбросил в канал. Поток вынес их в ирригационную систему, где они перекрыли трубу, по которой вода поступала в королевский сад. Все цветы погибли. Когда садовники нашли и узнали башмаки, купец был вызван в суд и опять оштрафован на баснословную сумму.

В отчаянии несчастный разрезал туфли пополам и закопал каждый кусок на одной из четырех мусорных свалок города. Случилось так, что четверо псов, копаясь в отбросах, нашли по половинке башмака, принесли их к дому купца и стали лаять и выть, требуя награды. Эти собаки были так агрессивны и навязчивы, что люди не могли ни глаз сомкнуть, ни выйти на улицу. Когда псов утихомирили, купец пошел в суд.

«Досточтимый судья! – сказал он. – Я хочу официально порвать с этими башмаками, ибо сами они меня в покое не оставят. Поэтому прошу выпустить распоряжение, официальный документ, который будет подтверждением, что все сделанное ими или при их участии, впредь не будет иметь ко мне никакого отношения!»

Судья обдумал это дело. В конце концов он объявил: «Так как я не нашел в книгах ни одного прецедента, позволяющего предположить, что башмаки – это личности в каком бы то ни было смысле, чтобы им можно было что-то разрешить или запретить, я не могу удовлетворить вашу просьбу».

Однако довольно странно, что как только купец обзавелся новыми башмаками – а все это время он ходил босиком, – неприятности оставили его.

Здесь, конечно, и заключен ответ на вопрос: «Зачем мне менять мои убеждения, образ жизни или мысли прямо сейчас?»

На такие вопросы можно ответить только аллегорически, утверждая, что многие случайности – это результат нашего бездействия. Но внешние события, к сожалению, не столь очевидно связаны с нашим поведением, как башмаки со своим купцом. Ведь, если бы все было так очевидно, никто не стал бы задавать подобного вопроса, не так ли?

Наука и философия

В.: *Что думают суфии о противоречиях между наукой и философией и, по аналогии, между соответствующими группами людей, предлагающими различные проекты по переделке мира? Систем очень много, хотя мы, без сомнения, можем их оценить – ведь мы, так сказать, наниматели.*

О.: А вы не слышали истории о двух банщиках-массажистах, их хозяине и клиенте? Древний автор Хамадани в своем произведении *Maqata of Halwan* весьма тонко касается этой темы, показывая, насколько сильны и одновременно поверхностны и неуместны подобные системы при отсутствии знания.

Баня

Один человек, возвращаясь из паломничества, пришел в какой-то город и стал искать баню получше, с хорошими банщиками, где можно было бы восстановить силы, помыться горячей водой и умаститься благовониями.

Наконец он оказался в заведении, которое славилось по всему городу. При входе нашего путешественника встретил служитель и, согласно обычаю, помассировал ему лоб глиной, после чего ушел. Тут же вошел другой массажист и стал растирать и мять клиента. Вскоре вернулся первый и набросился на своего коллегу. «Оставь эту голову – она моя!» – воскликнул он. Второй возмутился. Они сцепились и покатались по полу. «Это *моя* голова, – кричал первый, – ведь это я мазал ее глиной!»

«Вовсе нет, – возражал второй, – я тер тело, на котором сидит голова!»

Наконец, устав драться, они позвали хозяина заведения, чтобы тот их рассудил. Он, в свою очередь, спросил клиента, кому из банщиков, по его мнению, принадлежит голова.

«О господи! Да никому она не принадлежит – она моя!» – закричал путешественник.

Но хозяина бани это просто взбесило, и он заорал своим работникам:

«Будь проклят этот мерзавец с его никчемной головой, – не понимаю, что вы с ним возитесь! Пусть идет к черту...»

Развитие человека

В.: *Насколько долго на самом деле длится процесс развития человека?*

О.: Столько, сколько потребуется для того, чтобы учитель, каждый человек в отдельности и группа в целом достигли нужной гармонии. В ваших терминах это может быть десять минут или десять лет – возможно, больше, возможно, меньше.

В.: *Говорят, только один человек из ста тысяч может достичь цели.*

О.: Говорят?

В.: *Верно ли это?*

О.: Для нас и тех, кто с нами, это неверно. Я не отвечаю за то, что говорили другие люди в другие времена, в других местах и ситуациях. Если вы хотите сваливать в кучу все, что кто-либо сказал вам или еще кому-то, и затем использовать полученное, вы, возможно, коллекционер или составитель антологий, но не Искатель в нашем понимании данного термина.

В.: *Но я никогда раньше не слышал ничего подобного. Разве учения великих мыслителей прошлого уже не содержат в себе истину?*

О.: Они все еще содержат ее, так было и будет всегда, но только по отношению к тем условиям и тем ученикам. Понимание и использование подобных учений зависит исключительно от правильного опыта и способности тех, кто пытается их применять. К сожалению, и условия, и искатели изменились. Соответственно, и курс обучения больше не пригоден.

Качество поиска

В.: *Не лучше ли потратить время, может быть даже годы, пытаясь найти хоть какую-то истину, чем вообще ничего не делать?*

Ведь нельзя сказать, что ничего не получаешь, проводя время за книгами или общаясь с людьми, связанными с эзотерическим, или высшим, поиском?

О.: Если человек идет неверным путем в своем поиске, то пользы, скорее всего, не будет, а вот вреда – с лихвой. Этот вопрос часто повторяют люди, которые жаждут заверений и утешений.

Если они готовы посмотреть истине в лицо, то вот продолжение ответа: вы думаете, что, потратив годы на книги и людей, обязательно должны чего-то достичь? Наш опыт показывает, что этот вывод неверен.

«Осел, съевший дыню, остается ослом», «Ты никогда не достигнешь Мекки, потому что эта дорога ведет в Самарканд» – таковы два высказывания, предназначенные для иллюстрации положения некоторых подобных людей. Что же они в действительности получают, кроме чувства, что обрели нечто?

Сами они обычно заверяют, что почувствовали себя лучше, счастливее, более способными «помогать другим». Существует много вариантов подобных ответов. Действительная ситуация такова: пока они не узнают, сколько они приобрели и куда теперь направляются, это «обретение», если таковое вообще имело место, в лучшем случае является латентным. В настоящий момент его вообще нельзя считать полезным. Оно ничего не значит до тех пор, пока не будет активизировано путем гармонизации с осмысленной деятельностью в реальной традиции.

Я встречаю многих людей, упорно работающих в этом направлении. Они трудятся столь усердно, что не замечают, как в определенный момент превосходят уровень конструктивной деятельности. Им были бы нужны иные формы развития, но, повторяя одно и то же, они деградировали настолько, что превратились в бесполезных личностей, хотя сами, возможно, чувствуют себя полезными и ухитряются передавать это чувство другим.

Наихудший результат подобного варианта развития являют собой люди, страдающие туманными, спорадическими, незавершенными контактами с «невидимым миром». В действительности такие чувства являются всего лишь искажениями, или всплесками, потенциала, которые присущая человеку субъективность наделяет фантастическими, извращенными сущностями и смыслами, при этом часто пытаясь создать соответствующую систему. Наиболее опасные из упомянутых людей ищут себе подобных или «доказывают» свой опыт на примерах из литературы.

Все они страдают замаскированным высокомерием.

Мир

Люди следуют всевозможным верованиям, или системам, меняя одно на другое, и каждый раз уверены, что получают ответ, некое откровение, способное разрешить все проблемы. Например, на Западе, сначала люди следовали религии, затем оставили ее ради «разума», потом сделали ставку на индустрию и, наконец, – на технологию. Они вряд ли излечатся от этой привычки, не отказавшись от поиска панацеи.

Как-то раз один человек отправился на рынок с отарой овец и мешками с зерном. Он продал зерно, спрятал полученные деньги и стал искать, кто бы купил его отару. Тут к нему подошел некий мошенник.

«Я знаю человека, который как раз хочет купить такую отару, – сказал он крестьянину и повел его к каким-то воротам.

«Подожди-ка здесь, а я загоню овец во двор, чтобы хозяин посмотрел на них. Меня-то он знает, а ко всякой деревенщине относится с недоверием», – сказал мошенник.

Он загнал овец во двор, вывел задворками на другую улицу, после чего быстро продал по дешевке.

Переодевшись затем паломником, мошенник поспешил туда, где стоял простофиля, который только сейчас понял, что его обманули. Подойдя поближе, вор заорал ему в самое ухо:

«Добрый человек, минуту назад я видел проходимца, точь-в-точь как вы описываете, он загонял в сарай отару овец, очень похожую на вашу. Пойдемте со мной, я покажу вам, где это».

Они подошли к большому сараю, и мошенник сказал:

«Заходите скорее, а я подержу вашу лошадь».

Как только крестьянин зашел в сарай, чтобы забрать своих овец, вор вскочил на лошадь и был таков. На базаре он продал коня за десятую часть цены.

После этого, переодевшись в платье ученого, вор вновь отыскал несчастного крестьянина. Тот, обезумев от горя, бегал туда-сюда и кричал, что его обокрали.

«Мой бедный друг, неужели у вас ничего не осталось?» – спросил жулик.

«Ну, у меня тут деньги, которые я выручил за зерно, так что пойду-ка я лучше домой, в свою деревню, и буду считать, что мне еще повезло».

«Надо же, оказывается, нам по пути, – сказал обманщик. – А я вот несу деньги на строительство новой школы».

Показав сумку, которую предварительно наполнил камнями, он добавил:

«Давайте путешествовать вместе, так будет безопаснее».

Крестьянин согласился, и они отправились в путь.

Через некоторое время, проходя по мосту через бурную реку, вор как бы случайно уронил сумку в воду.

«О-о! – закричал он, – все пропало. Я слишком стар и слаб, чтобы лезть в реку. Денег нет. Меня ждет позор».

«Я достану вашу торбу, – сказал крестьянин, – если вы дадите мне десятую часть ее содержимого».

«Конечно», – согласился негодяй.

Крестьянин разделся и оставил одежду и выручку лежать на мосту.

Вор забрал все его добро и скрылся.

Выбравшись на берег, голый и мокрый, крестьянин заглянул в сумку и обнаружил, что в ней одни лишь камни.

От пережитого шока рассудок его окончательно помутился. Теперь бедняга убежден, как мне сказали, что и он сам – то последнее, что у него осталось, – может быть, кем-то украден.

Он бродит по улицам, требуя свое добро назад и проклиная вора, которого так часто принимал за друга.

Кратчайший путь

В.: *Что плохого в том, чтобы следовать по пути, по которому в прошлом прошли тысячи, даже миллионы людей?*

О.: Ничего, при условии, что вас устраивает ситуация, в которую попал один человек, проследовавший в Лондонском аэропорту тем же маршрутом, что и миллионы людей до него.

В.: *А что с ним случилось?*

О.: Следуя указателю «на посадку», он прошел вперед, поднялся по трапу, вошел в самолет и уже в воздухе спросил у стюардессы:

«Где можно пересесть на рейс до Рима?»

«Увы, теперь вы сможете сделать это, только когда мы приземлимся, – в Токио», – ответила она.

Осел и верблюд

В.: *Люди усердно изучают проблемы истории и современности. Они учреждают всевозможные организации и институты в целях обеспечения справедливости, здоровья, образования, мира и многого другого. Почему же получается так, что ужасные проблемы не только не исчезают, но, наоборот, постоянно множатся, порождая все новые и новые?*

О.: Вы, очевидно, не слышали историю об осле и верблюде.

Однажды шли вместе осел и верблюд. Верблюд шел большими шагами, осел же торопливо семенил, то и дело спотыкаясь. Наконец, осел спросил своего спутника:

«Как же так: я все время оступаюсь, падаю и ушибаюсь, несмотря на то, что внимательно смотрю под ноги. Ты же, вроде и не обращаешь внимания на дорогу, смотришь исключительно на горизонт, а идешь так быстро и в то же время неторопливо?»

Верблюд ответил:

«Твоя проблема в том, что у тебя слишком короткие шаги и ты замечаешь какие-то помехи на пути слишком поздно, чтобы скорректировать движение. Ты смотришь на все вокруг, но не оцениваешь того, что видишь. Ты думаешь, что спешка – это скорость, и воображаешь, что посмотреть – значит увидеть, полагаешь, что видеть близкое – это то же самое, что видеть далекое.

И еще тебе кажется, что я всматриваюсь в горизонт. На самом деле я просто пристально смотрю вперед, чтобы спланировать свои действия, когда далекое станет близким. Я также удерживаю в памяти произошедшие события, и мне не надо оглядываться назад и спотыкаться дважды. Таким образом, то, что кажется тебе трудным или непонятным, становится легким и ясным».

Те, кто полагает, что могут научиться улучшать себя или свою участь сиюминутными средствами, подобны этому ослу. Помимо всего прочего, это означает, что они, во-первых, не только не видят будущего, но и не вглядываются в него, а во-вторых, навязывают себе определенный темп, даже не оценивая результатов своего движения, будь они конструктивны или нет. Осел – это обычный человек, верблюд – суфий.

Который час

В.: *Почему вы используете цитаты из книг современных писателей и из газет, если суфийские идеи давным-давно были достаточно хорошо сформулированы?*

О.: Полагаю, современный анекдот будет наилучшей иллюстрацией. Жил один торговец наручными часами. Он заметил, что часы хорошо покупали горожане, которые имели представление о времени, а у деревенских жителей его товар не пользовался особым спросом.

Однажды наш герой оказался в деревне. Поодаль колот дрова крестьянин. Торговец дал себе слово, что покажет этому деревенскому простофиле, насколько необходимы часы.

Поэтому он крикнул:

«Эй, дружище, который час?»

Старик оглядел кучу дров и ответил:

«Поленьев двадцать до обеда».

Учитель

Учительству присущ ряд особых свойств. Это довольно сложный вопрос, хотя, по сути, и простой. Я имею в виду, что можно потратить сотни тысяч слов и только слегка коснуться его, а можно понять и без слов, – все зависит от подхода.

Давайте обратим внимание на такой момент: когда суфийский руководитель учит, он временами находится «в мире», потому что ему надо поддерживать контакт со своим окружением. Когда он сам учится, то следует «дуге восхождения», после чего на «дуге нисхождения» завершает цикл и оказывается среди людей. Теперь он – преображенный. Это означает, что, хотя его внешнюю форму и даже, частично, сущность, можно увидеть, реальная глубина подобного человека открывается только тому, кто достаточно развит, чтобы понять и воспринять ее.

Здесь содержится нечто больше, чем просто аналогия с обучением или руководством в других областях, так как лидерство в обычном мире – лишь «тень», или искажение, сущности учительства.

Если вы хотите обучить ребенка или ученика чему-то, что вы знаете, а он нет, вам придется снизойти до «его уровня» и медленно поднимать этот уровень. Кроме того, вам придется освободиться от вовлеченности, чтобы смотреть на вещи объективно. Это верно как для экстраординарного, так и для ординарного мира: поэтому учитель в некотором смысле (или, как кажется, во многих смыслах) является посторонним по отношению к человеческим массам или, что называется, был выведен из их среды. Он принадлежит и одновременно не принадлежит ей. Его взаимоотношения с людской массой подобны отношению чистого золота и руды.

Он не «на своей земле» потому, что его земля уже возделана. Концепция такой «отдельности» становится понятной, если взглянуть на духовных и иных учителей с точки зрения общей для них закономерности. На время оставим в стороне вопросы различий между ними или их подлинности, отвлечемся от их качеств, национальных особенностей или различий в учениях. Взглянем на людей.

Будда учил за пределами своего королевского дворца. Прежде чем начать учить, он отделился от своей «земли», как это делали пророки и многие другие личности. Наполеон прибыл во Францию с Корсики; Иисус пришел из Назарета и в конечном счете – из-за пределов того, что считается «нашим миром», или землей. Необходимо ощутить все нюансы данной «чуждости», как называют ее суфии, для того, чтобы постичь парадокс «спасителя издалека» и задействовать эту идею в организме, где такой спаситель появляется.

Нож и вилка

В.: *Я заметил, что в лекциях вы называете западные адаптации восточных учений, такие как христианство, поверхностными и выхолощенными переделками. Но не станете же вы отрицать, что любая вещь, которой мы хотим пользоваться, должна быть адаптирована к местным условиям?*

О.: Дорогой друг, довольно забавно, что на ваш вопрос (хотя и не преднамеренно) уже ответил лорд Хоув (ранее – сэр Джеффри), высказываясь по несколько иному поводу.

Он сказал: «Вряд ли мы сумеем сделать каннибала цивилизованным человеком, просто научив его пользоваться ножом и вилкой».

Дело ведь не в самой адаптации, а в том, соответствует ли она возможностям, или даже не принесет ли вреда.

Мистические формулы

В.: *В чем суть повторений мистических речитативов? Они, кажется, существуют во всех религиозных и магических традициях, как в примитивных, так и развитых.*

О.: «Суть», как вы это называете, полностью зависит от применения, которое должно соответствовать истинной природе используемого средства. Одна суфийская история проясняет подобную «суть».

Один человек, желая узнать секреты суфиев, взобрался на кровлю дома, в котором суфий давал ученику индивидуальное задание. Подслушивавший разобрал следующее указание суфия: «Повторяй 77 раз в день слова: “А стоит ли?”».

Шпион слез с крыши и решил применить свое новое знание. Он стал повторять подслушанную фразу в точности, как было предписано другому человеку. Однако это изречение было предназначено не для него, ибо вскоре он был уже не в состоянии произнести что-либо еще. Всякий раз, заходя в лавку за покупками, он говорил: «А стоит ли?», пока его наконец не прогнали из города. Ему пришлось жить за городскими стенами, питаясь дарами природы.

Однажды он нашел на земле клочок бумаги и, все еще будучи одержим своей фразой, написал на нем:

«“А стоит ли?” – это тайная фраза суфиев, которую следует повторять».

Случилось так, что начальник королевской стражи, также жаждавший овладеть суфийским знанием, проезжал мимо и увидел на земле этот листок. Он поднял его, прочел и отправился дальше, усердно повторяя мистическую формулу. Вскоре начальник стражи прибыл во дворец короля. Как раз в это время правитель обдумывал план предстоящего военного наступления, а военачальник совершенно автоматически продолжал произносить подхваченную фразу вслух.

«Что ты сказал?» – спросил король.

«Я сказал: “А стоит ли?”» – ответил офицер.

Король приказал отрубить ему голову за пораженческое настроение.

Отцом-прародителем людей, верящих, что суфийскому знанию можно обучить с помощью только лишь механического заучивания, стал тот самый человек, который подслушал суфийскую фразу. Вновь и вновь находят листок бумаги, и о его содержимом написали множество книг. Основоположник, естественно, не указал в своей записке (да он и не знал этого), что фраза была предписана определенному человеку. Вот почему так много людей берутся повторять ее, пытаясь привести в действие скрытую в ней силу.

Повторяемые эксперименты

Много времени и сил, посвященных исследованию высших восприятий, расходуется на разработку экспериментов, которые могли бы дать повторяемые результаты. Однако зачастую это похоже на попытки накормить лошадь по телефону: цель, возможно, и благородна, мотив известен, но выбранный метод неправилен и вряд ли достигнет цели.

Цель и то, насколько она благородна, зависит от ориентации экспериментатора. Некоторые люди считают благородным делом «увеличивать объем знания», отыскивая повторяющиеся явления и выводя из них общее правило, закон или принцип.

Но что касается суфийского опыта в области экстрасенсорных явлений, то здесь суфии провозглашают иной принцип. Их изучения показывают, что, преследуя явления дальше определенного предела, мы начинаем получать все меньше положительных результатов. Это происходит потому, утверждают они, что объем знания о локальном феномене имеет свои ограничения. По их мнению, детальное или вторичное воспроизведение паранормального явления очевидно показывает, что таким путем далеко не уйдешь. В этом случае холистический подход может оказаться более плодотворным.

Научный подход чаще всего опирался на принцип, который можно выразить следующей фразой: «Я заставляю это явление раскрыть свои тайны». Но суфийская позиция звучит иначе: «Пусть реальная истина, какой бы она ни была, откроется мне».

Первый способ – «героический». Он предполагает, что мы должны пытаться делать что-то, не имея необходимого знания, второй – «самоеволюционный». Мы приспособливаем себя к восприятию того, что необходимо воспринять, – здесь нет места героизму.

При втором способе опыт необходим прежде, чем появится возможность воспринять знание. При первом – опыт сам по себе обеспечивает знанием. Из истории о профессоре и ковре можно получить представление об одной ловушке на пути героизма. В этом рассказе некий господин, используя только те данные, которые получил сам, выводит общие законы.

Один профессор потерял книгу и нигде не мог ее найти. Однажды, сняв шляпу, он зачем-то стал скатывать ковер, вдруг увидел на полу пропавшую книгу.

Урок не прошел для него даром. Вскоре после этого случая кто-то пожаловался ему, что потерял дорогое кольцо.

«Ничего страшного, – сказал профессор, – сделайте то же, что и я, это дает результат. Снимите шляпу и скатайте ковер – и вы сразу же найдете кольцо».

Ученые, настаивающие на повторяемости экспериментов, конечно, не попадут в эту ловушку. Но рассматривается ли иная ловушка, проявляющаяся в привычке полагаться на механичность в стремлении к повторяемым экспериментам, а ведь это само по себе нарушает природу тонкого явления, которое люди намереваются воссоздать.

Членам подлинных мистических школ конечно же известно, что, пытаясь заставить какое-то событие произойти, мы успешно не даем ему случиться. Возможно, придется совершить еще множество попыток взять штурмом небесные врата, прежде чем к нам придет осознание того, что с помощью данного метода мы надежно их закрываем.

Притча о профессоре не так уж неуместна в качестве аналогии ученого, особенно если принять во внимание, что отображенный в истории персонаж полагается на некий способ, обреченный на полную неудачу, в рамках опыта других людей. В то же время, возможно, сами результаты подобных экспериментов (и положительные, и отрицательные) пытаются «что-то вам рассказать».

Есть одна известная басня о Стране Дураков. Деревенские простаки решили подвинуть свое жилище на пару аршин. Они разделись до пояса, положили рубахи на землю в качестве ориентира там, где собирались поставить дом. Потом крестьяне обошли строение и стали из

всех сил толкать его к своим рубахам. Решив посмотреть, насколько сдвинулся дом, они возвратились туда, где лежала одежда, и обнаружили, что ее нет. «Рубах нет! – закричали они, – значит, мы передвинули дом слишком далеко – и он их накрыл!» На самом же деле их одежду стащил вор.

Какими вещи кажутся

В.: *Когда я впервые встретил вас и услышал, как необычно вы говорите об обычных вещах, то был озадачен. Я часто думал, что все услышанное – не более, чем интеллектуальное упражнение. У меня был соблазн выкинуть все это из головы.*

Затем я сказал себе: «Возможно, в этом что-то есть. Не сужу ли я слишком поспешно?» В процессе наших дальнейших встреч мне стало казаться, что предо мной разворачивается некая цельность. То, что вы говорили на прошлых встречах, казалось, обретает смысл и находит свое место в общем плане. Некоторые вещи я начал оценивать на других уровнях.

Мне трудно выразить это, но я мог бы сказать, что слово или история как бы прокручиваются в уме снова и снова, словно их сила не растратилась при попадании в цель: обстрел прекратился, но действие пуль не закончилось. Это странный опыт.

С тех пор, особенно за последние десять лет, я прочел большое количество литературы по психологии, и сейчас меня интересует вопрос, не является ли этот феномен просто продуктом моего воображения. В то же время у меня возникла идея, что в моем уме формируется нечто новое.

О.: У каждого человека есть привычка, принуждающая связывать все, что попадает в ум, с таким количеством других вещей, какое допускает его способ мышления. Вы можете интерпретировать все происходящее с вами любым способом, какой вам нравится или в каком вы нуждаетесь.

В нашем кругу разнообразие и параболическая природа воздействия организованы таким образом, чтобы достичь наименее подчиненных автоматизму частей сознания. Однако вы можете интерпретировать сам феномен в соответствии с какой угодно свойственной вам схемой мышления.

Например, объясняя это явление, различные школы психологии могут обеспечить любой набор рабочих понятий или исходных позиций, подогнанных специально под вас.

Если вы нуждаетесь в защите и уверенности, которые предлагают подобные системы, то вам их обеспечат. Мы же в действительности занимаемся тем, что лежит за формальными границами психологии, в современном ее понимании.

Неправильно понятый

В.: *Часто говорится, что люди не понимают даже наиболее ясных, прозрачных произведений суфиев и просто приписывают им тот смысл, который, по мнению читателя, подразумевается. Как можно распознать и преодолеть эту тенденцию?*

О.: Вам вряд ли нужно ее распознавать: если вы просто предположите, что она есть, то будете недалеко от истины.

Но давайте рассмотрим пример, взятый почти наугад. В своем *Bostan* («Фруктовый сад») Саади рассказывает историю о проявлении доброты к несправедливым.

Один человек решил уничтожить гнездо пчел, которое было рядом с его домом. Но жена воспрепятствовала этому. Когда же ее ужалила пчела, он упрекнул женщину за то, что она помешала ему выполнить задуманное. Саади продолжает: «Если ночные стражники проявляют доброту к преступникам, то люди не могут уснуть от страха». Он подчеркивает, что терпение к злым только увеличивает их зло.

Человеческий опыт, конечно, подтверждает, что, не обращая внимания на вредоносное, мы увеличиваем возможную опасность. Саади оставил нам совершенно ясное послание, которое вызвало всеобщее одобрение, не считая, конечно, тех, кто верит, что зло может быть побеждено бездействием или смирением.

В суфийских кругах это послание понимают так же ясно, но наделяют следующим смыслом: в мире единственное средство против несправедливости видится как противостояние ей, тогда как суфия характеризует способность понять, что такое справедливость и несправедливость на самом деле, когда и где эти феномены действуют и какие средства, помимо поверхностной, мгновенной реакции, могут быть использованы, чтобы правильно подойти к этой проблеме.

Суфии просят вас задаться вопросом: а что в действительности происходит в мире – видите ли вы его таким, каков он есть? Основаны ли хоть в какой-нибудь степени на подобном восприятии те меры, к которым обращаетесь вы и ваши авторитеты?

Упрощая суфийские учения

В.: *Многим людям трудно понимать суфийские идеи. Может, было бы лучше изложить материал упрощенно и вводить постепенно, чтобы люди смогли привыкнуть к этому необычному способу мышления?*

О.: Я думаю, что справедливости ради необходимо упомянуть об очень большом количестве людей, которым *нетрудно* воспринимать идеи суфиев. К тому же надо сказать, что в установлении контакта с теми, кто готов уделить нашим материалам внимание правильного характера, не является проблематичным. Я думаю, что здесь необходим правильный подход, а не упрощение. В этом вопросе мы разделяем убеждения традиционных суфиев: подходя к чему-либо, скажем, с нетерпением, беспокойством или большим количеством предположений, человек тем самым создает на пути понимания непреодолимые барьеры, и то, что другим кажется легким, для него становится чрезвычайно трудным.

Вопрос, который вы мне задали, напоминает о такой ситуации: некоторые люди, слыша что-то о ком-то и затем встретившись и поговорив с этим человеком, замечают: «Какая неприятная личность! Я-то думал, что он удивительный...» А другие в сходных обстоятельствах говорят: «Какой удивительный, а я думал, он чудовище!» Какая из этих двух оценок правильна?

Большинство культур специализируется в насаждении предубеждений. Суфий пытается помочь устранить предубеждения, чтобы появилась возможность воспринимать реальность людей и вещей. Совершенно недопустимо игнорировать факт существования подобных предубеждений (быть «за», «против» или склоняться к некоторому мнению о предмете согласно своим предпочтениям), и вместо того чтобы повернуться лицом к этой главной проблеме, искать способ «подправить» учение, – не важно как вы это называете: «упрощением» или как-то еще.

Опасности имитации

В.: *Что происходит, когда полнокровные учения (в отличие от обескровленных) предлагаются обществу, не имевшему ничего подобного ранее?*

О.: Это следует делать с величайшей осторожностью. Один индийский йог рассказал мне следующую историю. Впрочем, я не могу поручиться, что она имела место в реальной жизни.

Некий подлинный йогин во время своего визита в Англию услышал, что другой очень популярный учитель йоги, которого многие величали «мастером», серьезно заболел.

Он отправился проведать больного и увидел, что тот лежит в кровати, окруженный своими западными учениками, сидевшими на полу в позах подобающего раболепия, с закрытыми глазами, точь-в-точь как на привлекательных фотографиях, публикуемых сегодня повсюду.

Настоящий йогин сказал:

«Сейчас я покажу вам секретные лечебные позы, которые помогут исцелить этого человека».

Самозванный йог и его последователи (они, конечно, были возбуждены этим драматичным и волнующим вмешательством и сразу бросились подражать учителю) выполнили упражнения, показанные подлинным йогиним.

В тот же момент произошло чудо: псевдоучитель был мгновенно исцелен силой аутентичной йоги.

Вот только его ученики заболели, поскольку были не в состоянии выдержать накал продвинутой техники...

Мышь и слон

Вам, возможно, доводилось слышать другую (на сей раз старинную), но все еще передаваемую из уст в уста историю о любви слона и мыши.

Мышь и слон полюбили друг друга и решили пожениться, несмотря на возражения их семей.

В первую брачную ночь слон внезапно упал навзничь и испустил дух.

Мышь застонала:

«О, злосчастная судьба, теперь, расплачиваясь за краткий миг удовольствия и тонны воображения, мне всю жизнь придется рыть могилу!»

Итак, пытаясь задавать вопросы, посмотрите, способны ли вы различить в них логические противоречия и другие недостатки.

Невыносимая мешанина?

В.: *Что можно сделать с невыносимой мешаниной, которая обнаруживается в книгах о суфиях, издаваемых в больших количествах? Часто эти труды написаны уважаемыми людьми, но авторы, однако, не принимают во внимание, что приводимые ими материалы предназначались для других эпох, культур и т. д. Результатом всего этого является хаос в литературе, посвященной суфизму. Я думаю, существует реальная опасность, что люди примут эти материалы за аутентичные произведения прошлой и настоящей деятельности суфиев.*

О.: Вам следует отметить две вещи. Во-первых, у этих самозванных экспертов понимание предмета в целом находится на очень ранней стадии. Они подобны донаучным авторам, собиравшим информацию о травах и при этом путавшим ее со сведениями о драгоценных камнях. Дело не в том, что они не знают, что делают, скорее им кажется, что их деятельность представляет собой адекватное изучение. Время все расставит по своим местам, как это было с наукой о камнях и травничестве. Во-вторых, запомните: аутентичные материалы также доступны. Нужно лишь иметь толику здравого смысла, чтобы, сравнивая эти материалы с теми, против которых вы возражаете, понять, какие из них с большей вероятностью окажутся правильными. Это как раз тот исключительный случай, когда можно перевернуть закон Грэшема⁴ и сказать: «Подлинные деньги вытесняют фальшивые».

Исключением будут доверчивые люди и всевозможные чудаки, которые предпочтут мешанину, поскольку вошли во вкус. Не наша функция «делать что-то» с этой ситуацией. Она исправляется сама собой по мере того, как правильные материалы выходят в более широкое обращение. Естественно, мы не можем защитить доверчивых или оказать поддержку неадекватным людям, однако есть специалисты и организации, чьи функции подразумевают подобное содействие.

Я думаю, что вместо чрезмерного сожаления о превратностях работы на низшем уровне мы можем позволить себе почувствовать некоторое удовлетворение по поводу того, что законные материалы и правильная реакция на них существуют, множатся и крепнут день ото дня.

⁴ Закон Грэшема гласит: фальшивые деньги вытесняют подлинные. – Прим. перев.

Внешние атрибуты и содержимое суфийских историй

В.: *Я заметил, что суфийские истории сегодня широко используются во всевозможных публикациях и лекциях. Каковы преимущества и недостатки подобного взрыва интереса и возможных экспериментов?*

О.: Главный недостаток упомянутого явления в том, что историю потребляют настолько поверхностно, что ее внутренняя динамика остается нереализованной и не достигает той цели, для которой предназначалась. Нам пишет все больше и больше людей, спрашивая разрешения пользоваться нашими историями или заявляя, что находят их полезными. Интересно, что во многих случаях истории неадекватно используются даже в более ординарных целях, на которые претендуют те, кто адаптирует наши материалы для применения на этом более низком уровне. В действительности происходит вот что: скажем, какой-то человек рыщет повсюду в поисках зерна для своей мельницы (чтобы она не простаивала зря), но в нем отсутствует желание истины, тогда как именно оно способно реализовать потенциал и его самого, и этих историй, не говоря уже об учениках, которых он обучает.

Можно вспомнить историю, касающуюся этой темы. Однажды некий человек собрал всех пассажиров тонущего корабля и стал им объяснять, как сделать плот, разломав спасательные шлюпки!

Не существует замены знанию. Стремление к преждевременной практике присуще не только людям, которые учат суфийские истории или ими интересуются.

Истории, подобно фруктам, обладают такими свойствами, как цвет, запах и питательность. Их действие не исчерпывается внешними эффектами (скажем, освежающим вкусом). Но если питательность плода усваивается организмом, история требует от человека, который ее представляет, особой осознанности – в этом основное различие между фруктами и историями. На начальном этапе инструктору следует держать дверь открытой, подчеркивая, что у этих рассказов есть и некое иное содержание, или напоминать, что так утверждали сами составители историй.

Люди часто сваливают ответственность на тех, кто предпочитает видеть в историях лишь их поверхностные уровни. Но это вряд ли оправдывает того, кто по собственной инициативе выхлещивает материалы, предназначенные для более высокой цели. Возьмите любую аналогию по своему выбору (когда, скажем, какая-то из высоких технологий применяется для незначительных целей), и вы увидите, каков будет ущерб и как этот процесс потворствует невежеству.

Чрезвычайно важно

В.: *Я думаю, что вы опубликовали больше рассказов, касающихся древних суфиев, чем кто бы то ни было за всю историю суфизма. Однако во всех этих преданиях фигурируют люди, хорошо известные в восточной культуре, но, как правило, неизвестные Западу. Может ли в таком случае западный человек понять огромную важность работы суфийских учителей?*

О.: В каком смысле?

В.: *В том смысле, что если, скажем, Джунайд или Нури сказали что-то, то мы знаем, что их слова чрезвычайно важны и в самом деле истинны. Как может западный человек чувствовать это, если он не знает действительного статуса Джунайда или Нури?*

О.: Если Джунайд или Нури сказали что-то, то подобное высказывание, безусловно, объективно важно, и в учебных целях ни для кого нет необходимости знать, кто именно сказал это, и чувствовать, что данные слова истинны. Важен результат, оказываемый их изречениями.

В.: *Зачем тогда вообще упоминать Джунайда или Нури?*

О.: Отнюдь не с целью подтвердить истинность утверждения (авторитетом автора) или повлиять на людей, а просто для сохранения формата, с тем, чтобы к материалам могли обратиться как восточные, так и западные ученики.

На что это похоже в действительности

В.: *Что делать человеку, если ближайшие друзья или супруг возражают против посещения им учебных занятий?*

О.: Я предлагаю вам рассказать этим людям следующую историю.

Неверное толкование

Один человек, вместе с другими, по ночам регулярно посещал занятия, посвященные духовным и психологическим вопросам. Его жена протестовала и постоянно жаловалась на эгоизм и эксцентричность своего мужа.

Однажды ему удалось убедить женщину пойти с ним вместе, просто для того, чтобы она увидела, что эти собрания из себя представляют. Она сидела там, среди незнакомых людей, слушая немыслимые вещи. Наконец, когда супруги вышли, женщина сказала: «Что за дикая чепуха! Я с трудом все это выдержала...»

«Ну, теперь, когда ты знаешь, чем мы здесь занимаемся, – ответил ей муж, – ты, конечно, больше не будешь думать, что я тут развлекаюсь?»

Эта история выявляет два момента. Первый: вещи, к которым вы не привыкли или к которым вас не допускают, выглядят неприятными или ужасными. Второй момент, вполне вероятный во многих случаях, состоит в том, что атмосфера, царящая в огромном числе подобных групп, и в самом деле способна сообщить новому человеку, что он попал в компанию ненормальных. Поэтому постарайтесь выяснить, приемлемы ли ваши товарищи по интересу для ваших родственников или других, нормальных, друзей, – это и будет неизменным тестом группы. Если да, то все хорошо и полезно. Если нет, то вам имеет смысл задаться вопросом: не попали ли вы в какую-нибудь экзотическую группу; а что, если ваши близкие возражают не без оснований?

Бегство

В.: *Я стремился освободиться от «вещей этого мира» и погрузился в изучение всевозможных книг по оккультизму и эмпирическим религиозным учениям.*

У меня есть ощущение, что я нахожусь на пути «обретения себя», и мне интересно, что вы думаете об этом, и правильно ли я поступаю.

О.: Доводилось ли вам слышать о человеке, который, спасаясь от дождя, прыгнул в реку?

Если вы мирской человек, то книги по оккультизму и религиозным учениям попросту заставят вас думать о духовном «по-мирскому». Вам надо учиться находить не принадлежащее миру во всем. В состоянии ли вы это делать? Очевидно, нет, иначе не задали бы подобного вопроса.

Дело не только в погружении, как вы это называете, тут важно понять, кто или что погружается. Некоторые вещи при погружении очищаются, другие – просто намокают.

Внутреннее пространство

В.: *Как можно избавиться от пороков и недостатков, чтобы стать истинно духовным человеком, в суфийском смысле этого слова? Нам известно множество преданий о борьбе, которую святые вели с искушениями и грехами...*

О.: Ничто из перечисленного вами не согласуется с суфийским пониманием, теорией, практикой или опытом в данной области. В действительности ваши слова выхвачены из полупонятых духовных упражнений, вы, что называется, сняли первую пробу.

Отметьте для себя следующее: суфийская духовность может помочь человеку иметь дело с тем, что вы называете «пороками и недостатками». Но это не означает немедленного погружения в деятельность, направленную на борьбу с искушениями. Подобные усилия не дают результата, и это лучший аргумент против них. Что же тогда дает результат? Необходимо заметить, что суфии не против, например, человеческих эмоций: они против сверхактивности эмоций, ведущей или к порокам, или к другой крайности – воображаемой святости и иллюзорному духовному опыту.

Это означает, что суфийской учебной системе поначалу необходимо склонить учащегося довольствоваться лишь минимальным количеством эмоциональных стимулов, без которых как мужчина, так и женщина будут не в состоянии выполнять те или иные жизненные обязанности, требующие эмоционального вклада. Когда это достигнуто, освобождается «полость», куда может быть «влита» функция, способная развить человека.

Многие известные религиозные системы чрезмерно упрощают положение дел. Так предполагается, например, что эмоциональность – это плохо, и совершаются попытки принудить людей разрушить свою эмоциональную жизнь. Это дает лишь иллюзорный эффект. Или эмоции направляют в русло, как полагают в таких системах, «хорошей» или «духовной» эмоциональности, что в лучшем случае, конечно, является еще одной формой самопотакания. В действительности эмоции (будь то желание успеха, потребность в достижении чего-либо или любое другое побуждение, которым питается «грех» или «порок») нужно упорядочить, как, впрочем, и любые другие стимулы, необходимые человеку. Сделав это, человек обретет в себе ничем не занятое «пространство» и этот, первый, шаг совершается в результате совместной работы учителя и ученика.

Раздел II

Три важные фазы организации и учебы людей

Все дела человеческие подразделяются на три «части»: общие и информационные, более специфические или специализированные, и основанные на личном опыте.

Например: в области питания – информация о пище, организация питания и потребление пищи. В области религии – информация и общая экзегеза (доктрина), далее следуют применение религиозных процедур (религиозные правила и порядок богослужения) и, наконец, личный опыт духовного.

Все религиозные системы основываются на личном опыте (первая стадия), который затем кодифицируется, или систематизируется (вторая стадия), и применяется к общине (третья стадия). Если упомянутые три области смешиваются или какая-то из них предается забвению, одни люди начинают воображать, что организация важнее всего, другие – что правила первостепенны, а третьи – что ни то, ни другое не важно, поскольку данных индивидов привлекает только личное озарение.

Когда людей возбуждает личный опыт, они могут нападать на общественные институты или догмы, поскольку полагают, что те стоят у них поперек дороги. Проблемы с которыми сталкиваются подобные личности, фактически, обусловлены гипертрофией перечисленных выше областей, так как последние раздуваются настолько, что начинают претендовать на способность говорить от имени личного опыта, упразднить его или изменять. Истинная причина создавшегося положения объясняется нарушением баланса между указанными тремя элементами, а не тем, что тот или другой из них наиболее важен или может быть заменен другими.

Так, мы можем знать что-то о пище и иметь средства для ее получения, вкушения и переваривания. Но это не означает, что мы соответствующим образом организовали реализацию этой возможности или что способны вкушать пищу, не добыв ее вначале. Точно так же, если нам и удалось попробовать пищу, из этого само по себе не следует, что у нас есть информация или структура для ее дальнейшего распознавания или вторичного получения.

Эта простая формула так мало известна, что люди словно бы не решаются заявить о ней во всеуслышание, что было бы очень важно для восстановления баланса в стратегии подхода к обретению Истины и осознанию фактов.

«Осел, который привез вас сюда...»

Недавно меня посетил один человек, и я заметил, что он очень возбужден. Он прочитал немало книг, побывал во многих группах «искателей» и довел себя до отчаянного желания попасть в ситуацию обучения.

Я сказал ему, что такого рода возбуждение, столь высокий эмоциональный пик, в учебе служит препятствием.

Очевидно, в прошлом ему сообщили, что «от возбуждения до духовности один шаг», и он не собирался отказываться от этого без борьбы. Он сказал, что именно страстное желание и эмоциональность привели его ко мне, так что же тут плохого?

Сам факт, что он рассматривал ситуацию подобным образом и не был способен увидеть изъян в своих рассуждениях, был симптомом его состояния. Поэтому мне пришлось кое-что объяснить ему. Я сказал: «Если вы приехали к моему дому на осле и, стало быть, он привез вас сюда, это ведь не означает, что вам позволят въехать на нем в мой кабинет. Осел выполнил свою функцию, затем наступает очередь других функций».

Но его возбуждение было столь велико, что, вместо того чтобы принять мои слова как разумный довод, он принял эту информацию за мастерски спланированную инспирацию или эзотерическую аналогию.

Конечно, когда один из симптомов болезненного состояния человека проявляется в том, что человек не в состоянии увидеть наличие у себя каких-либо симптомов, толку от разговоров мало; вот почему с такими людьми надо заниматься, а не разговаривать. У человека появится шанс «выздороветь», если можно будет подтолкнуть его к обычному поведению, свойственному людям без подобных претензий.

К сожалению, стремление к чему-то высокому может трансформироваться в претенциозность. Вот почему все подлинные традиции требуют смирения. Это качество, столь часто называемое добродетелью, скорее следует рассматривать как необходимость, техническое требование.

В качестве полезной иллюстрации можно привести недавний случай. Один человек написал мне, что один или два моих недоброжелателя обрушились на меня в прессе с критикой. Он изо всех сил пытался заставить меня дать им достойный отпор и считал своим долгом принять в этом участие. Я написал ему, пытаясь разумными доводами успокоить его и урезонить. Но мои письма его не удовлетворили. Он настаивал, что ему надо предпринять некие шаги, поскольку нельзя позволять подобным людям так поступать. Заблуждение его состояло в том, что он не видел ни ситуации в целом, ни контекста. Ему бы задаться вопросом, годится ли *он* сам для выполнения этой работы. Ко мне то и дело приходят люди, горящие желанием спасти весь мир или хотя бы что-то исправить в нем, но, прежде чем взяться за такое дело, неплохо бы знать, как стать по-настоящему эффективным человеком. Эффективность не заменишь героизмом. Из подобного случая мы можем извлечь абсолютно необходимый урок. К несчастью, вследствие нарушенного равновесия в современной культуре никто не отважится сказать об этом прямо, поскольку люди жаждут одобрения, а не информации. Восприняв информацию, они смогут приобрести умение и впоследствии стать эффективными. Мы сообщаем им об этом. Если они не принимают наших слов, то это означает, что они нас отвергают и фактически сами хотят диктовать стратегию и даже тактику действий.

Как это согласуется с *нашей* ролью? В процессе любого обучения одна сторона должна учить, а другая – учиться. Вот почему мы говорим: «Позволь мне обучить тебя».

Человек обращается с просьбой: «Научите меня», – но сам чаще всего учиться не хочет. В лучшем случае у него есть свои приоритеты: он настаивает, чтобы ему сперва позволили сыграть свою любимую роль. Он как бы воздвигает между собой и обучающей ситуацией теат-

ральную сцену и разыгрывает спектакль. Чтобы адекватно разрешить эту проблему, мы должны дать людям возможность ответить самим себе: принимают ли они на самом деле учителя и учение. Если нет, то они напрасно тратят время, и свое и наше.

Фактор времени

В.: *Можно ли предсказать действия человека? Может ли суфийский учитель помочь не растрачивать жизнь на бесполезные изучения, поиски или ненужные опыты?*

О.: Обладая достаточной информацией, почти невозможно *не* предсказать поступки человека. Что же касается помощи суфиев в предотвращении потери времени, то именно для этого и существуют суфии (когда речь идет об учениках). Но принимают ли ученики подобную помощь?

Вот одна старинная сказка, написанная дервишем Мухлисом из Исфагана. В сокращенной версии ее можно найти в персидской книге «Тысяча и одна ночь».

Действия человека и его судьба

Жил когда-то мудрый человек, который оставил сыну огромное состояние. Уже будучи на смертном одре, он сказал своему чаду:

«Если когда-нибудь ты впадешь в отчаяние, открой вон ту дверь, но никак не раньше, чем ты останешься буквально без куска хлеба, даже на настоящий день».

Однако молодой человек, полный нетерпения и любопытства, открыл дверь сразу же после смерти отца. Он увидел комнату, в которой с потолка свисала петля, а под ней стоял чурбан. На стене было написано: «Стань на чурбан, сунь голову в петлю и прыгай».

«Ну и добрый же у меня отец, позаботился о своем сыне!» – в сердцах воскликнул юноша.

Повернувшись, чтобы выйти, он прочитал на противоположной стене: «Если ты не внял, не принял предлагаемого тебе, полная неразбериха и ненужные страдания ожидают тебя. Твои собственные поступки будут навлекать на тебя невзгоды, пока ты не научишься. Тебе придется пройти путь —

от поспешных поступков и любопытства до дикого предположения;
от расточительства до полосы неудач;
от безысходности до непригодных средств;
от небрежности до осмеяния;
от нищеты до отчаяния;
от послушания до завершения;
от опыта до просветления».

Не веря ни одному слову отцовского напутствия, молодой человек вышел из комнаты. Полагаясь на свое огромное состояние, юноша предался азартным играм и пустился в рискованные предприятия. Он приобрел многочисленных товарищей, которые помогали ему тратить деньги и проматывать состояние.

Молодой человек все больше залезал в долги, и наконец пришел день, когда ему даже не на что было купить еды. Тогда, собрав то небольшое, что еще оставалось в доме, он пошел на базар, продал все за гроши и купил себе немного хлеба и йогурта. Но, когда он возвращался домой, какая-то собака прыгнула на него, разлила йогурт и выхватила хлеб.

В полном отчаянии юноша пошел к тем, кого считал своими друзьями, надеясь получить еду и слова утешения. Но бывшие товарищи только смеялись над ним и гнали его прочь. «Не такой уж ты бедняк!» – говорили они.

И вот, когда юноша сидел, голодный и несчастный, ему подумалось: «От небрежности с хлебом и йогуртом – до насмешек моих друзей. Это и есть нищета, предсказанная моим отцом, нищета, которая конечно же приводит к отчаянию».

И с этими мыслями он опять вошел в ту самую комнату с петлей и опять прочитал надпись: «Стань на чурбан и вешайся».

Он встал на чурбан, сунул голову в петлю и прыгнул.

Как только он сделал это, кусок потолка отвалился, открыв тайник, полный золотых монет.

«От послушания к завершению!» – воскликнул юноша. Он отдал все долги и вернул свое имущество. Потом пригласил всех бывших друзей на роскошный пир.

«Когда я говорил о своей бедности, вы не верили мне, – сказал он. – А теперь я расскажу вам другую историю. В этом городе водятся стаи крыс, они столь прожорливы, что едят даже камни. Некоторые из них предпочитают драгоценные камни, их голод могут утолить только рубины и изумруды. Поднимите руки те, кто в это верит...»

Все присутствующие, желая угодить рассказчику, подняли руки.

«Вы не верили мне в моей бедности, когда я был голоден и от вас хотел всего лишь немного еды и доброго слова, в которых нуждался, – промолвил он, – а теперь вы верите каждому моему слову, потому что на этот раз жажда снедает вас. От опыта – к просветлению! Так учил мой отец, поистине мудрый человек. Убирайтесь из моего дома, все вы, потому что отныне я возвращаюсь на путь учения, который моя собственная глупость сделала для меня столь трудным».

Заботиться о конце

Хотя в вольном словоупотреблении дервиш часто называется суфием, на самом деле это тот, кто находится на пути – учащийся, который часто шаблонно ведет себя или думает.

Жил когда-то король, питавший огромную любовь к дервишам. Как-то раз, встретив одного дервиша, по внешним признакам отличавшегося великим благочестием, король попросил дать ему фразу, вспоминая которую он сможет продвинуться на пути внутреннего развития.

«Ну что ж, – сказал дервиш, – повторяйте несколько раз в день такие слова: “Подумай о конце, прежде чем приступить к началу”. Я и сам так делаю».

Выразив дервишу свою признательность, король принялся практиковать повторение формулы всякий раз, когда вспоминал о ней, – обычно это происходило в минуты спокойствия и расслабления.

Однажды ночью король тихо сидел у себя в покоях, повторяя словесную формулу и постигая ее мудрость. В это время через окно в комнату забрались два вора и услышали его бормотание. Подумав, что король ясновидящий или обладает мистическими способностями и, возможно, видит их, хотя сидит к ним спиной, воры затряслись от страха и во всем признались ему. Король был в восторге.

Спустя какое-то время произошел следующий случай. Король расслабленно сидел в кресле, а брадобрей готовился его брить. Этот брадобрей был подкуплен врагом монарха, пообещавшим изменнику должность главного визиря, если тот перережет королю горло. Уже поднеся бритву, злодей вдруг услышал, как его величество пробормотал два или три раза: «Подумай о конце, прежде чем приступить к началу».

Ужаснувшись, брадобрей уронил на пол наточенную бритву, пал в ноги своему монарху и признался во всем, моля о прощении.

Король несказанно обрадовался непреходящей силе и действенности своей мантры. Он приказал созвать двор, дабы все услышали дервишескую мудрость и то, как она спасла его монаршую жизнь. Там как раз присутствовал суфий, хорошо осведомленный об ограниченности философии дервишей. Он сказал королю:

«Знай, о король, что ты должен допустить возможность возникновения непредвиденных обстоятельств».

Но король, которого привлекали простые объяснения, отказался слушать.

Тогда суфий достал из складок халата небольшую трость и показал ее всем присутствующим. Затем он трижды стукнул ею об пол, и, повинуясь сигналу, в тронный зал вбежала собака.

«Теперь, – сказал суфий собаке, – принеси нам чего-нибудь освежающего – скажем, кувшин холодного шербета. Но когда вернешься, прими облик прекрасной девушки».

Собака выбежала, и через несколько минут вошла прекрасная девушка, неся украшенный драгоценными камнями кувшин и две янтарные чаши для шербета.

Король был в восторге.

«Суфий, – сказал он, – отдай мне эту волшебную трость, а я дам тебе мешок лучших драгоценных камней».

Когда обмен был совершен, король опробовал трость, но ничего не произошло. Он в гневе посмотрел на суфия, требуя объяснений.

Суфий поклонился и сказал:

«Ваше величество, вы думаете о завершении прежде, чем приступить к началу. Но ваша идея относительно начала и конца бесполезна. Вы начали не с реального начала, с которого следовало бы начать, чтобы развить собственный ум».

Лягушки-путешественницы

Жили когда-то в Ираке две лягушки: одна – в Багдаде, а другая – в Басре.

Почти одновременно их посетили схожие мысли. Багдадской лягушке захотелось побывать в Басре; лягушка из Басры возжаждала посетить Багдад.

И примерно в одно и то же время они отправились в путешествие.

Где-то посередине пути, между двумя городами, где именно – не важно, две лягушки встретились.

«Куда ты направляешься?» – спросила одна из них.

«В Басру. А ты?» «В Багдад».

«А откуда ты? Сама я из Басры».

«А я из Багдада».

Некоторое время они сидели, призадумавшись. Мимо проходил глупец и спросил, откуда они и куда направляются. Выслушав их рассказ, он сказал:

«В ваших путешествиях нет никакого смысла. Отправляйтесь-ка по домам».

Лягушек это не убедило.

Затем мимо шел мудрый человек. Узнав о планах лягушек, он дал им тот же совет, что и глупец.

Но лягушкам не были интересны ни слова глупца, ни слова мудрого человека. И каждая запрыгала своим путем.

Однако, когда через некоторое время лягушки прибыли к месту своего назначения, они осознали, что оба, и глупец, и мудрый человек, были правы.

Потому что для лягушки, сколько бы удовольствия она ни вкусила от путешествия и приключений – Багдад и Басра так похожи, что быть здесь или там – для нее все равно.

Поэтому, прежде чем начать куда-то прыгать, вам, возможно, следует перестать быть лягушкой...

Жара и жажда

В.: *Всегда ли искатели распознают настоящего учителя? Если нет, то что с ними происходит?*

О.: То, что происходит с ними, в некотором смысле подобно случаю, произошедшему с пятью дервишами.

Группа странствующих дервишей подошла к дому баба Фарида. Они посетовали, что преодолели огромное расстояние в поисках суфиев, но еще не встретили ни одного истинного учителя.

«Присядьте, – сказал Фарид, – и вы найдете такого».

Но дервиши не хотели задерживаться и ответили, что им надо продолжать свой поиск.

Когда они уходили, баба Фарид сказал:

«Прошу вас не идти через пустыню, ибо это опасно для вас».

Однако дервиши не обратили внимания на его совет. В результате четверо умерли от жары, а пятый, хотя и нашел, наконец, воду, скончался, выпив слишком много.

Это притча разъясняет, что случается с людьми, которые в обыденной жизни заиклены на поиске и в результате не только проходят мимо цели этого поиска, но и страдают от его тягот, и все без толку.

Разговор птиц

В.: *Я полон решимости приступить к поиску знания и обязательно добьюсь успеха. Чего бы это ни стоило и какие бы жертвы от меня не потребовались, я буду читать книги, выполнять всевозможные упражнения и совершать необходимые путешествия, пока не достигну своей цели. Что неправильно в этом решении?*

О.: Есть классическая суфийская история о короле, который отправлялся на войну. Он взял с собой все необходимое – от золота до оружия, от свирепых воинов до военных оркестров. Ни одна деталь не была упущена. По дороге он встретил дервиша, бедного и истощенного странника, который, однако, был мудрецом и мог, согласно народной молве, понимать язык животных.

Дервиш сказал королю:

«Я знаю язык птиц и слышал, что они говорят о вашем величестве».

Король спросил:

«А нравится ли им, что я иду этим путем и обязательно добьюсь успеха?»

«Они в восторге, ваше величество, – ответил дервиш, – ибо говорят: “Этот король разрушит так много городов, что мы теперь на много лет вперед будем обеспечены множеством мест для гнезд в развалинах домов”».

Вот ответ на ваш вопрос: вы можете достичь цели теми методами, о которых говорили. Но в вашей схеме не учитывается, как подобная активность подействует на других и какой будет ваша судьба. Именно поэтому у нас есть организация, предназначенная для целей обучения и изучения, – чтобы люди не только продвигались по пути, но делали это способом, который полезен для всех участвующих.

Основное и незнакомое человеческое общество

Все человеческие сообщества используют в качестве основы для своего существования, продолжения и роста рычаги надежды, страха и натаскивания.

Хотя данная простая структура подавляющему большинству людей не видна, каждый, кто занимается объединением человеческих личностей, применяет и одобряет механизм надежды-страха-натаскивания.

Им пользуются во всех типах организаций: родовых, национальных, политических, религиозных, развлекательных, образовательных и пр.

Как люди, оперирующие этой структурой, так и те, кто в ней находится, не могут распознать ее из-за следующих двух моментов.

1. Цели рассматриваемых сообществ кажутся чрезвычайно разнообразными.
2. Сама простота данной структуры. Она настолько очевидна, что не является самоочевидной в том смысле, в котором люди понимают самоочевидность.

В человеческом мышлении существует также негласно (так как оно не распознано) согласие по этому вопросу. Поскольку каждый человек привык к тому, что им манипулирует надежда и страх, и предполагает, что натаскивание необходимо, возможный прогресс в анализе данной ситуации фактически прекратился. Это похоже на то, как если бы кто-то, когда еще не существовало речи, сказал: «Мы издаем звуки. Зачем превращать их в слова? Нам достаточно звуков».

Подобная гипотеза (о том, что в словах нет необходимости) была бы адекватна только в тех обстоятельствах, при которых нет реальной нужды в связанной речи, а именно – в обществе, где у людей отсутствуют неудовлетворенность и подлинное любопытство, побуждающие к исследованию, в результате чего и может возникнуть полезный инструмент (то есть «речь»), а источник напряжения и раздражения, вызывающий нервные расстройства (в данном случае избыток мычания и щебетания), будет устранен.

Когда утверждения, подобные сказанным выше, сформулированы достаточно ясно, они, как показывает опыт, провоцируют у людей два вида реакций. Реакции эти можно представить в виде попыток уклониться или принять вызов. Фактически, ни одна из них не достигает своей цели.

Первая реакция сводится к следующему рассуждению:

«Индивид может учиться только с помощью указанных методов. Отмена их будет препятствовать учебе и подорвет основы человеческой сплоченности».

Вторая реакция аргументируется так:

«Эти утверждения еще не доказывают, что *существуют* какие-то другие способы учебы или организации или что в таких способах есть (или должны быть) качество и мера».

Что ж, всегда трудно иметь дело с предубеждениями, предоставляющими людям такие преимущества, как возможность не думать. Трудно также удовлетворить людей, которые хоть и не показывают вида, но внутренне боятся, что будет разоблачена их поверхностность, или людей, опасаящихся, что последствия признания чего-то незнакомого могут их «изменить». Преодолеть подобные предубеждения трудно, но тем не менее не невозможно.

Если бы это было невозможно, то род человеческий вымер бы из-за отсутствия способности к адаптации. Это так же верно, как и то, что люди, неспособные или не желающие адаптироваться к конструктивной, но незнакомой информации, принадлежат к той части человечества, которая обречена на вымирание в культурном смысле. Сообщества, школы мысли и

индивиды, не сумевшие приспособиться к «современной» (то есть незнакомой) информации и изменениям окружающей среды, *уже вымерли*.

Две упомянутые основные реакции менее разумны, чем утверждения, против которых они направлены. Одно это позволяет относиться к ним следующим образом: игнорировать людей с такими реакциями и рассматривать сам факт наличия подобных мнений как доказательство неспособности их носителей адаптироваться к незнакомым идеям, то есть как подтверждение того, что способность этих людей к выживанию относительно слаба.

Однако здесь имеется механическая ловушка, и ее стоит мимоходом рассмотреть. Людей, возражающих против «сегодня» или незнакомых понятий, можно заставить принять новшества, если продвигать эти «новые» идеи достаточно энергично. Иными словами, не так уж трудно посредством надежды, страха и натаскивания заставить этих возражающих «поверить» в то, что использование указанных методов нежелательно ни в количественном смысле, ни в качественном. Ловушка заключается в том, что в этом случае массы обусловленных людей будут возражать против обуславливания, потому что их обусловили возражать! Из-за своих грубых оперативных способностей они, почти по определению, будут не способны к развитию понимания.

Следовательно, ни согласие с вашим исходным утверждением, ни «вера» в него не являются здесь целью. Эта концепция уже сама по себе практически не знакома людям, поскольку фактически все человеческие сообщества превыше всего ценят веру и согласие. «Что же вы ищете, – будут они спрашивать в недоумении (и спрашивают), – если вам не нужны ни новообращенные, ни герои, ни мученики, ни верующие, ни верные сторонники, ни последователи, ни пропагандисты, ни энтузиасты, ни представители, ни общие знаменатели и т. д.?»

А ищете вы (и это является существенной предпосылкой к пониманию) людей, которые могут принять в качестве возможных следующие положения.

1. Фактически все человеческие сообщества создаются и поддерживаются механизмом награды-наказания-натаскивания.
2. Возможна альтернатива такому подходу.
3. Эта альтернатива, не обязательно потребует отказа от членства в одном или нескольких «основных» типах объединений (а основным мы называем объединение, созданное надеждой и страхом и поддерживаемое натаскиванием).
4. Для человека даже может быть необходимым оставаться для некоторых своих целей в одном или нескольких «основных» социальных объединениях.
5. Есть возможность *обогащать* опыт человека незнакомой формой взаимоотношений, не нарушая уже внедренный «базовый» тип.
6. По-своему ценная возможность развития некоего нового вида понимания *предотвращается*, если человек принимает данные положения по образцу «обращенных в веру» последователей.
7. Может быть полезным наблюдать и распознавать присутствие и действие вышеупомянутой «основной» структуры во всех формах повседневных человеческих взаимоотношений.
8. Возможно, значительно полезнее *впитать* эту «новую» информацию, чем реагировать на нее как на ключ, панацею или волшебную палочку.
9. Принять как гипотезу, что *исключение*, а не культивирование эмоциональных или интеллектуальных уз, основанных на надежде и страхе и приводимых в действие натаскиванием, может открыть дверь к знанию иному, чем добываемое посредством одной-единственной описанной здесь системы.

Воображение

В.: *Как можно объяснить, что многие люди, даже весьма ученые и уважаемые, принимают решения на основе недостаточного объема информации и часто отказываются от своих мнений или меняют их? И почему некоторые из таких людей не изменяют своих мнений, даже будучи неправыми?*

О.: Этот феномен нужно не столько объяснять, сколько наблюдать. В данном случае нам не придется ошибочно допускать, что человеческие идеи заслуживают доверия. Между прочим, проверить, что люди все еще не понимают этого факта, можно путем простых расспросов. Люди думают, что могут вполне полагаться на свой ум.

Однако многочисленные психологические тесты сегодня демонстрируют обратное – как же в таком случае можно доверять показаниям очевидцев, воспоминаниям, научным материалам, мнениям и т. д. Вот один из примеров всеобщего наваждения. Никто, конечно, не воображает, что события телевизионного сериала Colditz происходили в действительности или что английский актер Энтони Валентин на самом деле был нацистским офицером. Однако этот актер, давая интервью Тиму Эвбанку, жаловался, что официантка (случай взят из реальной жизни) отказалась подать ему чай на том основании, что он нацистский офицер и читает письма военнопленных. Актер также упомянул, что служащий автостоянки в Ватерлоо «смерил его взглядом и сказал: “мне не нравятся парни вроде тебя”»⁵.

⁵ The Daily Mail, London, 14th January, 1974, p. 7. – Прим. автора.

Птицы

Большая группа людей обратилась к суфийскому мастеру с просьбой принять их в ученики. Он дал каждому закрытую коробку и ключ от нее, сопроводив все это указанием не открывать коробку и на следующий день вернуть ее.

Когда соискатели возвратились, учитель открыл коробки и обнаружил, что большинство из них пусты. В каждой было по птице, упорхнувшей, как только претенденты в ученики попытались заглянуть вовнутрь, будучи не в состоянии сдержать себя.

Сообщают, что, когда те люди были поставлены перед фактом, немногим это пришлось по душе. Одни сказали, что тест был нечестным, другие выражали недовольство и говорили, что сажать птиц в коробки – жестокость, третьи утверждали, что именно в их коробках, по недосмотру, вообще не было птиц.

«Эти объяснения и протесты, – сказал мастер собравшейся группе, – так же важны и показательны, как и выдержка тех, кто успешно прошел испытание; они нас всех чему-нибудь научат».

Знание или эксперимент?

Вклад суфиев в реализацию человеческих возможностей зависит от того, понимают ли люди необходимость устранить барьеры, препятствующие пониманию.

Главное препятствие проявляется здесь в том, что люди принимают желаемое за действительное и следуют тому, что приносит удовольствие. Поэтому человек, жаждущий достижения духовных состояний, будет преследовать свою цель не тем способом, который приведет к соответствующим результатам, но тем, который приносит удовлетворение.

Это основная пружина всех общественных движений, будь то политические, национальные, религиозные, экономические или другие. Таким образом, присутствует цель и существует механизм ее достижения. Цель всегда должна нравиться тому, кто к ней стремится; помимо того, метод достижения должен приносить удовлетворение.

Не требуется никакой другой схемы или формулы, чтобы объяснить, почему люди верят столь разнообразным организациям и системам.

Данная схема совершенна сама по себе, система дает результат, но только с одной оговоркой. Мы можем сформулировать это так: «Привлекательная цель и процедура, приносящая удовлетворение, всегда дадут результат, если цель достижима, а методика эффективна».

Подавляющее большинство целей нереалистичны, и подавляющее число процедур их достижения неэффективны. У древних египтян была весьма привлекающая цель – вылечить бильгарциоз⁶. В качестве метода было выбрано обрезание. Единственным недостатком метода было то, что он не работал. Многие поколения людей стремились произвести золото: это было их целью, и весьма привлекательной. Но их методы (включая «очищение свинца») не работали.

Сегодня широко известно, что бильгарциоз вызывают паразиты, а золото не является очищенным свинцом. Следовательно, либо цель, либо метод, а иногда и то, и другое, может потерять свою привлекательность. Причина, по которой цель или метод лишаются привлекательности, – это знание фактов.

Мы можем увидеть, что цели современных людей, стремящихся к власти, удовольствию, реализации и т. д., поддаются, по крайней мере в некоторых случаях, модификации или даже бывают отброшены в результате расширенного знания фактов, проясняющих ложные предположения, на которых основана та или иная деятельность и/или применяемые методы.

Подобные ложные предположения, усиленные жадностью и другими субъективными моментами, являются барьерами для знания, даже для знания фактов. До тех пор, пока люди не зададутся вопросами, эквивалентными «Что, собственно, представляет из себя бильгарциоз?» и «Чем в действительности являются металлы?», «обрезание» и «очищение» будут продолжаться.

Иной причины для сосредоточения всех усилий суфиев на знании не существует. С этой точки зрения любое предприятие, не основанное на знании, должно считаться спекуляцией, то есть напрасной тратой энергии, возможно, даже лишенной возможности чего-либо достичь.

⁶ Бильгарциоз – болезнь крови. – Прим. перев.

Пресная вода⁷

Среди мудрых известна история о человеке, верившем, что в этой жизни удовольствие есть высшая цель каждого.

Однажды, путешествуя, он захотел пить. Он постучал в дверь дома, где жил некий дервиш, и попросил немного чистой прохладной воды.

Дервиш, восприняв его внешнее и внутреннее состояние, принес ему чашку теплой, солоноватой на вкус жидкости.

«Это невозможно пить! – выпалил посетитель. – Я просил чистой прохладной воды».

«Друг, – сказал дервиш, – мы пленники этого мира и, как заключенные, лишены качественной пищи, хотя в своих мечтах действительно жаждем ее более, чем кто-либо другой...»

⁷ Очень похожая история содержится в произведении Silk al-Suluk («Нить пути жизни»), написанном Хайа Зиауддином Накшаби (ум. 1350 – 51). – *Прим. перев.*

Прямое и не прямое обучение

Когда на пути к духовному прогрессу встречаются препятствия, их не всегда нужно преодолевать в лоб. Применение знания с помощью специальных методов может просто растворить проблемы. История «Сундуки» аллегорически описывает такой процесс.

Сундуки

Один житель Центральной Азии по пути в Мекку решил оставить в Каире сундук с ценными вещами какому-нибудь купцу с хорошей репутацией и взять с собой только самое необходимое.

После многочисленных расспросов он оказался в лавке купца, которого приятели рекомендовали как человека безукоризненной честности. Ему был доверен сундук, и паломничество началось.

Возвратившись, наш паломник пришел за своей собственностью, но купец не только от всего отказывался, но даже сказал, что этого посетителя не видел никогда прежде.

Даже его соседи не могли поверить, что человек с такой репутацией, как этот купец, может лгать.

Паломник, с последними грошами в карманах, без друзей, в чужой стране, в состоянии шока и смятения побрел по дороге, не зная даже, что и предпринять.

Именно в этот момент его заметила одна мудрая женщина в дервишском одеянии и спросила, что с ним приключилось.

Когда он рассказал ей свою историю, она спросила:

«Ну и что ты собираешься делать?»

«Я думаю, что мне остается только одно: прибегнуть к силе или пойти в полицию», – сказал паломник.

«Полиция не сможет помочь, так как тебе не удастся доказать, что было совершено преступление, – ответила женщина, – а что касается применения силы, то ты сам в результате угодишь в тюрьму».

«Однако, – продолжала она, – если ты полностью доверишься мне, я смогу придумать план, с помощью которого мы обязательно вернем твою собственность».

Паломник согласился сделать все, что она скажет. Женщина помогла ему одолжить на день десять красивых, ценных на вид сундуков, которые она наполнила землей и камнями. Потом она попросила своего друга сопроводить погруженные на повозку сундуки к лавке купца. Ее друга, а он был дервишем, переодели в роскошные, дорогие одежды.

Прибыв с грузом к воротам лавки, дервиш, выдав себя за чужеземца, спросил купца, не согласится ли тот взять на хранение десять сундуков, пока он будет путешествовать в чужих краях.

«В сундуках наверняка полно ценностей», – подумал купец и согласился за небольшую плату присмотреть за ними.

Сундуки уже собирались было внести в лавку, как пришла очередь паломнику сыграть свою роль. Он подошел к купцу и переодетому дервишу и спросил:

«Я пришел за своим сундуком, можно мне сейчас его взять?»

Испугавшись, что в случае возникновения спора можно лишиться доверия владельца столь соблазнительных сундуков с «ценностями», купец расплылся в улыбке и вернул паломнику его собственность.

Тут переодетый дервиш сказал:

«Извините за беспокойство, но я передумал и решил взять свои вещи с собой».

Вот так трудности паломника были разрешены...

«Даже не представляю, как вы нашли такое остроумное решение», – произнес он, благодаря дервишей за помощь.

Начать учиться

В.: *Когда я смогу начать учиться?*

О.: Вы уже начали. Вы учитесь постоянно. Многие из того, что вы изучаете, остаются незамеченными вами. Многие из того, что вы знаете, непригодно для той области, которой занимаемся мы. Когда мы говорим о том, что человек должен «учиться, как учиться», мы также настаиваем на необходимости различающего чувства: вы должны осознавать, какие части из того, что вы изучаете, имеют развивающую ценность. Это, в свою очередь, означает еще и следующее: когда, как и где вы используете учебу в целях преднамеренного развития.

Вспомните историю о невежественных рыбах. Они отправились к старой мудрой рыбе, чтобы узнать, что же это за штука – вода, о которой они только что услышали!

На той стадии, где вы находитесь, попытайтесь увидеть, что человек, идущий на ощупь или задающий определенные вопросы, рождающиеся в его неподготовленном уме, способен усвоить ответ только в терминах своего собственного мышления, и они, возможно, неадекватны тому, что можно извлечь из ответа. Ваша позиция не должна быть слишком расплывчатой: «Как я могу начать учиться?» – ваш вопрос должен звучать так: «Что мне следует делать с собой?»

Предположим, вы ощущаете глубокое побуждение к развитию, но в нем отсутствует ориентация. Пройдя через ваши обычные шаблоны мышления, оно принимается вами за «жажду», поскольку у вас нет информации, как реализовать это развитие. Затем ум вновь «обрабатывает» данное предположение, пытаясь разобраться, как можно сформулировать ощущаемое побуждение. Он запускает механизм, содержащий ваш личный опыт и результаты размышлений, мнения и другие элементы. В свою очередь, все это оказывает воздействие на ум. Описанный механизм погружает ум в состояние запроса, который: а) может адекватно выражать (или нет) ваше первоначальное намерение; б) может показать, способен ли ум, в котором возник этот запрос, в данный момент времени с пользой воспринять предлагаемый ему ответ. Уже задавая вопрос, ум предполагает, что:

1. личность, задающая этот вопрос, искренна и спрашивает не просто ради собственного успокоения или чтобы как-то скоротать время;
2. тот, кому задан вопрос, знает ответ или же будет «разматывать» вопрос, чтобы убедить или попытаться убедить спрашивающего, что знает этот ответ;
3. вопрос корректно сформулирован и отражает реальные нужды спрашивающего;
4. воспринимающий и обрабатывающий механизм спрашивающего позволит ему понять ответ и извлечь из него пользу;
5. вопрос задан вовремя и к месту, и ответ на него вполне возможен (исходя из предпосылки, что «отвечать на вопросы можно где угодно»).

И так далее. Реальный контекст и надежда на понимание создаются при содействии разносторонней работы и наличии рабочей ситуации.

Совет и поиск

Жил некогда один поэт. Он отправился к известному суфийскому мастеру и провел много месяцев в его собрании, но никто так и не обратил на него внимания.

Когда поэт окончательно разочаровался в этом суфии, он испросил разрешения покинуть общество учителя, так как хотел идти собственным путем и отыскать свою судьбу. Суфий сказал:

«Выбери одно из двух: деньги на путешествие или три совета».

Поэт ответил, что лучше возьмет деньги, потому что на них можно купить совет, а вот съесть совет никак нельзя.

Итак, он отправился своей дорогой. Вскоре грабители отобрали у него деньги, и он заключил, что жизнь суфия не для него. Здесь он покидает наш рассказ.

Затем второй человек, на этот раз купец, пришел к стопам мастера. Он не один год работал на суфия, но даже ученики, все, как один, избегали общения с ним. По прошествии нескольких лет он решил, что с него довольно, и также испросил разрешения уйти.

Суфий и ему предложил выбрать: деньги или совет. Купец подумал: «Деньги я смогу заработать – даром, что ли, я – торговец, а вот совет на дороге не валяется». Итак, он выбрал совет.

Суфий сказал:

«Вот тебе первый совет: никогда не иди новым путем, пусть даже и заманчивым».

Купец подумал: «Треть денег пропала! Какой же это совет?» – но виду не подал, и суфий продолжил:

«Второй совет таков: выбирай меньшее, хоть это и кажется не лучшим».

«Две трети денег пропало! – решил купец. – Что-то я не возьму все это в толк...»

Суфию же он сказал:

«О великий мастер! Будь добр, отдай мне треть денег вместо последнего совета, и я смогу оплатить хоть какую-то часть путешествия!»

Суфий рассмеялся и сказал:

«Да будет так!» – и вручил купцу сто золотых монет.

Итак, купец отправился в путь. Он шел, и вскоре заметил, что дорога становится все более неровной и круто уходит вверх. В конце концов он пришел к началу нового туннеля, который был недавно проложен через гору. Он уж было собрался войти в туннель, ибо это облегчало путь, как в голову ему вдруг пришли слова суфия: «Никогда не иди новым путем, пусть даже и заманчивым».

Тогда он повернул и стал с трудом карабкаться по тропе. Когда купец добрался туда, где оканчивался туннель, то услышал от других путешественников, что свод этого туннеля обрушился как раз тогда, когда наш герой мог быть точно посередине.

Купец продолжил путь, и пришел в город. Здесь он повстречал одного человека, который продавал больших кур задешево, и другого человека, торговавшего небольшими курами, но дороже. Купец решил вложить деньги в домашнюю птицу и собрался было купить больших кур, но тут ему на ум опять пришли слова мастера: «Выбирай меньшее, хоть это и кажется худшим». Он купил кур, что были поменьше, и завел ферму. Вскоре купец обнаружил, что его небольшие куры – прекрасные несучки, а крупные, те, что были у первого продавца, не несутся вовсе.

Однако, в конце концов, в этих краях началась война, и купца забрали в армию. Ферму захватили, а его самого, нищего солдата, взяли в плен и сделали гребцом на галере, вместе с другими рабами. Однажды галера перевозила по морю путешественников, и он узнал среди

пассажиров ученика, который жил у мастера-суфия в одно с ним время. Он сказал этому человеку:

«Лучше бы я попросил тогда не денег, а третьего совета».

«Возможно, так и следовало поступить, хоть я и не знаю, – ответил человек. – После твоего ухода мастер сказал нам: “Сотня золотых монет, что он получил от меня, не заменит ему третьего совета, который звучит так: “основав ферму, быстрее продай ее и уезжай в другую страну!”»

Тем временем третий человек, на сей раз ученый, который дал обет отказаться от ограниченного педантизма, был принят учеником к знакомому нам суфийскому учителю. Много лет он находился в обществе других учеников и выполнял бессмысленные задания. Затем он также попросил разрешения уйти. Мастер сказал:

«Иди, если должен, но лучше тебе подождать, пока я сам не отпущу тебя, так как в компании безопаснее».

Ученый решил остаться с мастером, пока тот его не отпустит.

Наконец, спустя несколько лет после этого разговора, мастер сказал:

«Теперь ты можешь отправляться в путешествие. Что тебе угоднее, деньги или три совета?»

Ученый выбрал советы.

Мастер сказал:

«Первый совет таков: никогда не ешь то, без чего сможешь обойтись».

Ученый постарался запомнить.

Мастер продолжил:

«Вот второй совет: никогда не избирай кратчайший путь».

Ученый кивнул.

И тогда мастер выдал третий совет:

«Предлагаемое отменяет необходимость поиска».

Ученый заверил мастера, что все понял.

«Что ж, увидим», – ответил суфий.

Вскоре ученый собрался в дорогу и пошел проститься с мастером. Тот предложил разделить с ним трапезу.

«Я вполне могу обойтись, и я помню ваш первый совет», – сказал ученый.

«Хорошо, если тебе не терпится, то можешь присоединиться к каравану, который сейчас отойдет от перекрестка дорог; но тебе придется поспешить».

«Учитель, – сказал ученый – я не могу забыть ваши инструкции: “Всегда отказывайся избирать кратчайший путь”».

«В таком случае, – сказал мастер – я могу предложить тебе просветление, ибо ты готов к нему».

«Благодарю вас, – ответил ученый, – ведь, как говорится в вашем третьем совете: предлагаемое отменяет необходимость поиска».

Высокая цена учения

В.: *Сколько стоит обучение?*

О.: Конечно, учебу нельзя точно выразить в денежных единицах. Но вот пример, где деньги используются в качестве аллегории.

Жил однажды мудрец, который открыл торговлю знанием на базарной площади.

Одним из его покупателей стал молодой человек, который только что женился и захотел на себе испробовать этот странный вид коммерции.

«Сколько стоит твое знание, если покупать его порциями?» – спросил он мудреца.

«Столько, сколько дашь, – много или мало, но ценность совета будет пропорциональна сумме», – ответил тот.

«Хорошо, – сказал молодой человек, – возьму-ка я порцию на одну медную монетку».

«Вот тебе совет, – ответил мудрец, – не ешь больше, чем нужно, и упражняйся, а то растолстеешь».

«Дешево хорошо не бывает, – подумал про себя покупатель, вслух же спросил: – А что я получу за пять медяков?»

«За пять медяков я скажу тебе, что если ты пренебрежешь своим долгом, то можешь потерять восемнадцать лет жизни!»

«Я, конечно, постараюсь, чтобы этого не произошло, но что ты скажешь мне за серебряную монету?»

«За нее я скажу тебе, что если ты попытаешься действовать, не имея достаточных оснований, и без понимания, то погубишь себя».

Юноша, скорее из вежливости поблагодарил старика, которого счел либо слегка тронутым, либо мелким жуликом, а про себя подумал: «Возможно, то, чему я научился сегодня, – это следовать здравому смыслу и не пытаться купить совет вместо того, чтобы добыть мудрость опытом».

И он выкинул из головы всю эту историю.

Прошло совсем немного времени, и молодой человек, проходя по улице, увидел нищего, который обратился к нему:

«Подавать милостыню – твой долг, и я взываю к тебе во имя этого долга, чтобы добро сопутствовало тебе и отвращало зло!»

Вместо того чтобы дать ему что-нибудь, юноша пробормотал «Бог подаст!» и ускорил шаг.

Так случилось, что, разогнавшись, он нос к носу столкнулся с военным патрулем, которому было приказано хватать молодых сильных парней и отправлять их в армию, ибо король той страны вел войну. Юношу схватили, и следующие восемнадцать лет он провел в сражениях и плену.

Теперь у него было много времени для размышлений, и слова о восемнадцати годах, которые будут вычеркнуты из его жизни, если он не исполнит своего долга, глубоко засели у него в уме.

Наконец его выкупили, и, оказавшись снова в родном городе, он стал искать свой дом, где много лет назад оставил жену. Только он нашел прежнее жилище, как увидел женщину, в которой сразу узнал свою благоверную. Она входила в дом, рука об руку с неким юношей.

Кровь бросилась в голову солдата, он схватился за свой меч, и первой его мыслью было: «Пусть меня казнят за убийство, но я не потерплю этой измены!»

Но тут он вспомнил слова мудреца: «Если ты попытаешься действовать, не имея достаточных оснований, и без понимания, ты погубишь себя». В тот момент он не увидел какого-

либо отсутствия понимания или недостатка оснований для убийства этих мерзавцев, но так или иначе сдержал себя – а вдруг можно будет поступить иначе.

Весь день он ходил вокруг, терзаясь мыслью, что жена изменила ему или, по крайней мере, потеряв всякую надежду на то, что он жив, нашла нового мужа или любовника. Когда настал вечер, он вернулся к дому и подкрался к освещенному окну, почти окончательно созрев для убийства обоих.

В комнате он увидел пару, сидевшую друг возле друга на софе. Затем он услышал слова женщины: «Мне сказали, что в порт пришел еще один корабль из чужих земель. Сынок, завтра тебе нужно пойти на пристань и, как мы делаем уже почти двадцать лет, расспросить моряков, нет ли новостей о твоём отце».

Вот так было показано, что пять медяков обернулись ценой восемнадцати лет страданий, а три жизни были оценены в одну серебряную монету, хотя, не понимая, как устроена жизнь, такое даже представить себе невозможно.

Кому вы подражаете?

Подражание – одно из самых распространенных в мире явлений. Люди копируют королей или мудрецов в зависимости от того, кем являются сами – снобами или духовными людьми (как они это называют). Подобные действия в народе одобряют или высмеивают, тогда как здесь надо отметить общий фактор – мимикрию.

Мимикрия – это попытка выглядеть как кто-то другой или что-то другое.

Но как насчет того, чтобы выглядеть, чувствовать или быть – как ты сам? Один мудрец как-то сказал:

«В следующей жизни вас не спросят: “Почему вы не были таким, как этот человек?” Вас спросят: “Почему вы в действительности не были самим собой?”»

Если вы знаете, кто вы и что вы, можно начинать быть этим человеком, вместо того чтобы копировать идеи, поведение или облик кого-то другого или какой-то группы людей. Тогда вы по-настоящему сможете *быть*.

Глубокое влияет на поверхностное

Одна из причин существования школы и учителя заключается в том, что учитель и преподаваемый курс обучения ответственны за то, чтобы вести обучение подходящим для ученика способом, невзирая на приоритеты самого учащегося.

Люди, которые хотят учиться, естественно, будут выбирать то, чего им хочется, пока не осознают, что, возможно, есть лучший способ и он известен специалистам.

Хорошим примером тому являются ситуации, трудные для человека. Люди ищут в духовных источниках решения своих проблем, которые сами по себе являются только симптомами. Реальные духовные школы имеют дело с причиной.

Проблемы, тревожащие человека, устраняются при помощи уже достигнутого духовного опыта, а не наоборот.

Вот хорошая аналогия.

У лавочника была полная бочка масла, которую он запечатал своей круглой печатью. Но его работники догадались продырявить отверстие у основания бочки и время от времени отливали себе драгоценного масла, после чего затыкали дырку пробкой до следующего раза.

Однажды лавочник открыл бочку и увидел, что, хотя крышку до него не открывали, уровень масла понизился. В недоумении он спросил одного покупателя в лавке, мудрого человека, что бы это могло значить.

Мудрый человек сказал:

«Кто-то отливал масло со дна бочки – почему бы тебе не поискать источник проблемы там?»

«Глупец! – закричал лавочник. – Я толкую о том масле, которое убывает сверху!»

Люди на «других уровнях»

В.: *Всякий раз, посещая эти встречи, я испытываю чувство благодарности за ту легкую, естественную манеру, в которой вы отвечаете на вопросы, и за то, что вы учитываете интересы людей, которые их задают. В последнее время я стал также замечать, что некоторые из спрашивающих по сравнению со мной ушли далеко вперед, поскольку имеют дело с такими материями, какие мне никогда и в голову не приходили, и ваши диалоги с ними часто меня озадачивают. Я совершенно уверен, что они вовлечены в некоторую продвинутую форму работы. У них бывают встречи, непохожие на те, что посещаю я. Я стараюсь не реагировать на это и, кроме того, недавно осознал, что хожу сюда гораздо реже остальных.*

Что еще я мог бы делать, чтобы подготовиться для того уровня развития, который очевиден в других? Я беру на себя смелость спрашивать об этом, поскольку вы сказали, что ответите абсолютно на любой вопрос, который будет задан без задней мысли: будет он вам угоден или нет и обнаружится ли в нем невежество спрашивающего или нет.

О.: Чтобы правильно расти, дереву нужны корни, соответствующее питание и климатические условия. Согласно этой аналогии, для того, чем мы здесь занимаемся, также необходим определенный климат для роста. Одни люди этот климат ощущают, другие – его еще не почувствовали, третьи – лишь в малой степени. Моя функция – дать вам возможность развиваться и не разрушать этот процесс вашим собственным нетерпением. Нетерпеливый человек – враг самому себе, он закрывает дверь своего развития. Вы впитываете климат. Вы занимаетесь вашими упражнениями, готовя себя к пониманию, которого не достичь одним махом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.